

628925

С. Г. Цитович

Незабвенный Горыгорецкий
институт—моя alma mater.
Профессор А. В. Советов, 1890 г.

ГОРЫГОРЕЦКИЙ
ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ—
первая в России
высшая сельскохозяйственная школа
(1836—1864)

Вид института 1855 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Белорусской сельскохозяйственной академии
Горки 1960 БССР

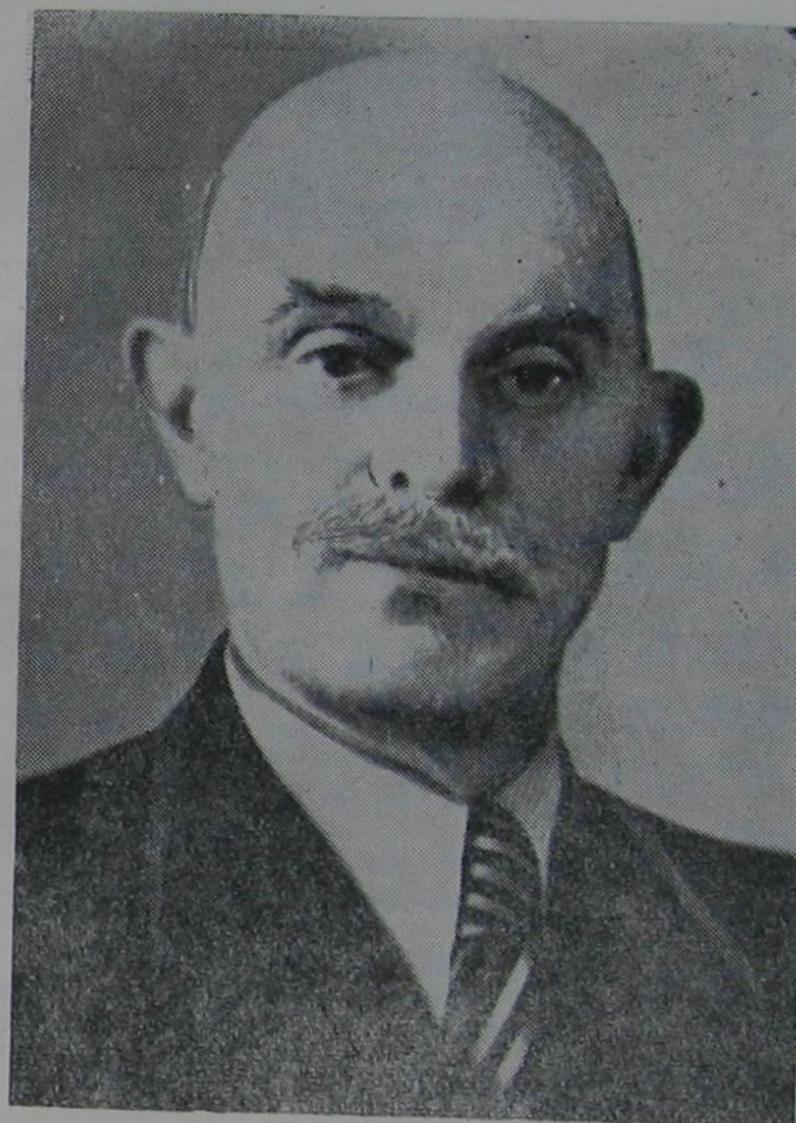
458032

В монографии С. Г. Цитовича рассматриваются возникновение, деятельность и значение первой в России высшей сельскохозяйственной школы на фоне тогдашней политической, экономической и научно-учебной жизни страны. Исследование составлено по материалам, в значительной степени впервые публикуемым, и иллюстрировано картами, планами, таблицами.

Рассчитана книга на руководителей по сельскому хозяйству, а также на педагогов, историков и лиц, интересующихся вопросами развития культуры, науки, техники и просвещения.

Монография является первой частью Горецких сельскохозяйственных учебных заведений. Две последующие части готовятся к печати.

Автор книги, Цитович Сергей Георгиевич, родился в 1886 г. в г. Горках, Могилевской губернии. По окончании в 1910 г. историко-филологического факультета Харьковского университета состоял преподавателем Горецких училищ: земледельческого, землемерно-агрономического и рабочего факультета Белорусской сельскохозяйственной академии. После Великой Отечественной войны—кандидат педагогических наук, доцент Минского педагогического института.

С. Цитович

ВСТУПЛЕНИЕ

В 1836 году 24 апреля в казенном имени около местечка Горки, Могилевской губернии, была основана Горыгорецкая земледельческая школа с двумя разрядами. Старший, высший разряд этой школы, был по роду своей деятельности первым в России государственным высшим сельскохозяйственным учебным заведением.

В 1848 году 30 июня на базе высшего разряда Горыгорецкой школы было основано самостоятельное учебное заведение—Горыгорецкий земледельческий институт—первое в России сельскохозяйственное учебное заведение с правами и структурой университетов. Низший разряд школы был преобразован в земледельческое училище — среднее сельскохозяйственное учебное заведение.

Вторая треть XIX в., когда были основаны названные учебные заведения, являлась, с одной стороны, эпохой развития производительных сил России, вступившей на путь промышленного капитализма, эпохой переустройства народного хозяйства, потребовавшего квалифицированных специалистов по разным отраслям этого хозяйства, и, с другой стороны, эпохой становления на научную основу технических, биологических и сельскохозяйственных знаний, эпохой формирования новой науки—агрономии, заключавшей в себе научные основы сельскохозяйственного производства и также потребовавшей для себя специального учебного заведения.

Горыгорецкая школа и Горыгорецкий институт и были учреждены для подготовки агрономов с целью развития в России сельского хозяйства подобно тому, как два его старших сверстника: Петербургский технологический институт (основан в 1828 г.) и Московское высшее техническое училище (тогда ремесленное, основанное в 1830 г.) были учреждены для подготовки инженеров и мастеров с целью развития в России промышленности и техники.

Горыгорецкий институт оказался первым специальным высшим сельскохозяйственным учебным заведением не только в России, но и одним из первых среди зарубежных высших сельскохозяйственных учебных заведений, также впервые возникших во второй трети XIX в. Это можно видеть из следующего перечня в хронологическом порядке дат основания первых высших сельскохозяйственных школ в восьми государствах [11 и 17]:

- Германия—Пруссия, Меглинский институт, 1807 г.
- » —Саксония, Тарандская академия, 1830 г.
- » —Виртемберг, Гогенгеймская академия, 1847 г.
- Россия —Горыгорецкая школа, 1836 г.
- » Горыгорецкий институт, 1848 г.

Англия — Сиренчестерская академия, 1845 г.
 Франция — Версальский институт, 1849 г.
 Австро-Венгрия — Институт в Альтенбурге, 1850 г.
 США — Мичиганский колледж, близ Лансинга, 1857 г.
 Италия — институт в Кашинах, близ Флоренции, 1859 г.
 Бельгия — институт в Жамблу, близ Брюсселя, 1860 г.

Из данного перечня видно, что возникновение в названных государствах первых специальных высших сельскохозяйственных школ относится к 40—50 годам и что почти одновременно такие школы возникли в России и Германии. Меглинский же земледельческий институт, возникший в 1807 г. по инициативе немецкого ученого А. Тэера, был не правительственной, а частной школой, содержавшейся на средства, собранные по подписке и из платы учащихся. После смерти А. Тэера (1828) институт, перейдя по наследству к его сыну, пришел в упадок и через некоторое время был закрыт. Сиренчестерская академия в Англии была основана частной компанией и первоначально также не являлась правительственным учреждением.

Горыгорецкий институт не только занял одно из первых мест среди зарубежных высших сельскохозяйственных школ по времени основания, но и выделился из их среды по более высокой учебной деятельности и обширному учебному хозяйству.

Еще до основания Горыгорецкого института Горыгорецкая школа с ее высшим разрядом имела сходство с зарубежными сельскохозяйственными институтами и академиями, что отметил министр государственных имуществ П. Д. Киселев, осмотревший Горыгорецкую школу в 1841 г., в первый год после открытия, и пришедший к выводу, что правильнее называть Горыгорецкое учебное заведение институтом.

В пору своего расцвета, в 50-е годы, Горыгорецкий институт выделялся среди подобных зарубежных заведений по количеству обучающихся и по постановке образования. В то время как зарубежные академии и институты имели двухгодичный курс обучения с учащимися от 40 до 60 на двух курсах (а в Меглинском институте при одноступенчатом обучении было учащихся от 9 до 25), Горыгорецкий институт имел четырехлетний курс обучения с числом студентов, доходившим до 200. О преимуществе постановки образования в Горыгорецком институте в отчете за 1852/53 учебный год с полным основанием было сказано следующее: «Мы можем смело сказать, что нет ни в одном государстве специального по сельскому хозяйству учебного заведения, которое могло бы равняться с нашим институтом по обширности курсов и полноте агрономического образования» [92; кн. 3, 5—9]. Эта высокая характеристика Горыгорецкого института была дана в отчете выдающимся деятелем Горыгорецкого института, его профессором Б. А. Целлинским, который хорошо знал состояние зарубежных высших сельскохозяйственных школ. Высокую оценку деятельности Горыгорецкого института дал также член Московского общества сельского хозяйства В. Боборыкин, бывавший за границей и интересовавшийся там постановкой сельскохозяйственного образования. Посетив Горыгорецкий институт в 1857 году, он отметил, что ни Гогенгеймская академия, ни другие пользовавшиеся известностью европейские высшие сельскохозяйственные школы не могут сравниться с Горыгорецким институтом по богатству и полноте учебно-вспомогательных учреждений [90б]. В конце 50-х годов среди учащихся института встречались студенты из Германии и Франции. Горыгорецкий институт начинал приобретать европейскую известность.

Царское правительство недооценивало значения высшего специального технического и сельскохозяйственного образования для развития отечественной техники, промышленности и сельского хозяйства и проводило в отношении этого образования двойственную политику, губительную на нем сказывавшуюся. С одной стороны, правительство учредило Петербургский технологический институт, Московское техническое училище, Горыгорецкий земледельческий институт, а с другой стороны, тормозило развитие этих специальных учебных заведений: держало до 60-х годов технологический институт и техническое училище на положении средних школ и не готовило в них высококвалифицированных ученых; всячески направляло деятельность Горыгорецкого института, в особенности с приходом в Министерство государственных имуществ министра М. Н. Муравьева, не на пользу главных тружеников сельского хозяйства — крестьян-земледельцев, а на пользу дворян-землевладельцев.

За участие некоторых студентов института в польской национально-освободительной борьбе 1863 г. царское правительство скоропалительно, непродуманно и непредусмотрительно перевело в этом же году институт из Горок в Петербург, из сельской местности в обстановку городскую, неудобную для сельскохозяйственного учебного заведения, и тем разрушило первую высшую сельскохозяйственную школу, уже окрепшую и приносящую плоды на ниве сельскохозяйственного образования и науки.

Преемницей Горыгорецкого земледельческого института явилась Петровская земледельческая и лесная, ныне Московская сельскохозяйственная академия им. К. А. Тимирязева, открытая в 1865 г. Академия получила от Горыгорецкого института профессоров — питомцев института, руководивших в первые годы сельскохозяйственными специальностями академии и учебным хозяйством, а также учебный план высшей сельскохозяйственной школы и Положение о высшей сельскохозяйственной школе, внесенное с некоторыми изменениями в устав Петровской академии в 1873 г. Полученное наследство дало возможность Петровской академии в начале ее деятельности поставить должным образом сельскохозяйственное образование и научные исследования.

Большое учебное хозяйство, оставшееся от института в Горках, перешло к Горыгорецкому земледельческому училищу, благодаря чему это училище по постановке образования стало одним из лучших среди земледельческих училищ в России последней трети XIX — начала XX вв.

После Великой Октябрьской социалистической революции, коренным образом перестроившей общественный и хозяйственный строй России и создавшей новые условия для распространения и развития сельскохозяйственных знаний, высшее сельскохозяйственное учебное заведение с полным основанием было восстановлено на месте бывшего Горыгорецкого института.

В 1919 г. в Горках был вновь учрежден сельскохозяйственный институт, переименованный в 1925 г. в ныне действующую Белорусскую сельскохозяйственную академию.

До настоящего времени нет специальных работ, посвященных Горыгорецкому институту. Нет также работ, в которых был бы обобщен обширный исторический материал по развитию отечественной агрономии, по истории сельскохозяйственного образования, в особенности по исследованию значения сельскохозяйственных учебных заведений в деле развития и распространения сельскохозяйственных знаний в дореволюционной России.

Предлагаемая читателю монография, являющаяся результатом многолетних поисков и исследований, ставит своей задачей описать историю Горыгорецкого института на фоне тогдашней социально-экономической и педагогической жизни страны.

В монографии рассмотрены тесно связанные с историей Горыгорецкого института стороны жизни: 1) состояние сельского хозяйства и положение крепостных, как исходные данные формирования сельскохозяйственной науки и образования; 2) борьба по вопросам сельскохозяйственной науки и образования между дворянами-крепостниками и демократами-разночинцами; 3) правительственная политика в сельскохозяйственном образовании, проявившаяся в министерствах государственных имуществ и народного просвещения; 4) постановка сельскохозяйственного образования в специальных сельскохозяйственных школах и университетах; 5) взгляды современников Горыгорецкого земледельческого института на сельскохозяйственное образование как в отдельных трудах по сельскому хозяйству, так и в периодической печати и др.

Рассмотрение перечисленных обстоятельств, сопровождавших историю Горыгорецкого института, раскрывает важную и интересную страницу из истории культуры России середины XIX в., воссоздает историю института и позволяет увидеть действительное лицо этого института, который, находясь в белорусской провинции, жил интересами других современных ему высших школ и способствовал развитию и распространению сельскохозяйственных знаний в тогдашней России.

Всестороннее освещение одной из первых страниц по истории сельскохозяйственного образования в России поможет также избежать того неправильного отношения к Горыгорецкому институту, которое наблюдается у некоторых современных исследователей. Одни из этих исследователей незаслуженно игнорируют этот институт как в истории культуры России и Белоруссии, так и в истории сельскохозяйственной науки и образования; другие — необоснованно ограничивают сферу деятельности Горыгорецкого института только одной Белоруссией [84б]; третьи — также необоснованно считают первой в России высшей сельскохозяйственной школой то Ново-Александровский сельскохозяйственный институт, то сельскохозяйственный институт в Маримонте — предместье Варшавы и т. п. Несостоятельность подобных ошибочных утверждений вскрывается в данной работе.

Материалы, использованные в монографии, перечислены в главе «Источники и литература».

Примечания приведены в самом тексте цифрами в квадратных скобках: первая цифра указывает порядковый номер, под которым находится данный источник в главе «Источники и литература», а вторая цифра — страницу данного источника, № архивного дела, год и номер периодического издания или какое-либо другое пояснение.

В тексте приняты сокращения: ВЭО — Вольное экономическое общество; ГЗИ — Горыгорецкий земледельческий институт; ГЗУ — Горыгорецкое (Горецкое) земледельческое училище; ГЗШ — Горыгорецкая земледельческая школа; ГУЗ — Горецкие учебные заведения; МГИ — Министерство государственных имуществ; МНП — Министерство народного просвещения; МОСХ — Московское общество сельского хозяйства.

Глава I

ФОРМИРОВАНИЕ АГРОНОМИИ И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Р

АСПРОСТРАНЕНИЕ сельскохозяйственных знаний через школу началось в России, как и за рубежом, в конце XVIII в., когда определилось формирование сельскохозяйственных знаний в самостоятельную науку — агрономию.

Сельскохозяйственные знания стали складываться в особую отрасль знаний, с одной стороны, под влиянием капитализировавшейся экономики XVIII в., которая выдвинула на первый план сельское хозяйство, как важнейшее государственное дело, и потребовала рационализации этого хозяйства; с другой стороны, под влиянием успехов и достижений в области естествознания и других наук, связанных с естествознанием.

На состоянии народного хозяйства и, в частности, сельского хозяйства России в это время прежде всего сказались реформы Петра I. Эти реформы, начавшие собою XVIII в., захватили все стороны народного хозяйства: промышленность, торговлю, военное дело, городское строительство и др. — и потребовали лучшей организации сельского хозяйства и поднятия его продуктивности [61; 372]. Увеличение государственных расходов и введение в связи с этим подушной подати с крестьян заставляли искать новых средств к повышению производительности крестьянского труда в особенности на государственных землях. Забота о сельском хозяйстве была возложена на камер-коллегию, специально ведавшую сбором государственных доходов. В регламенте, учреждавшем эту коллегию в 1719 г., предлагалось камер-коллегии «стараться, чтоб как возможно, запустелые двory и земли помалу пока населять и всякой пустоты осторожным домодержавством впредь престоерегать и отвращать... Тако ж земледелие, скотские приплоды и рыбные ловли везде, по возможности, умножать, к приращению приводить, и того ради иметь коллегииум с губернаторы и воеводами и прилежно корреспондовать» [21; 26].

В 1723 г. при камер-коллегии была учреждена особая контора, на которую было возложено наблюдение, чтобы «за крестьянами помещики и приказчики накрепко смотрели, дабы они под хлебный сев землю хорошенько снабдевали и более хлебного всякого севу умножали».

Придавая особое значение животноводству, как одной из главных отраслей сельского хозяйства, Петр I в 1715 г. издал указ о принятии мер по подготовке специалистов по ветеринарии, которую он называл «доброю наукой». В результате указа уже после Петра I в 1733 г. вблизи Москвы, в с. Хорошевском, была учреждена первая ветеринарная школа-пансионат. Первоначально в школе обучалось 50 человек, а в 1738 году число учащихся было доведено до 80. Обучение делилось на подготовительное (5 лет и больше) и специальное (до 8—10 лет).

На развитие сельского хозяйства были направлены и отдельные мероприятия Петра I: выписывались из-за границы лучшие сорта семян, племенные породы лошадей, крупного и мелкого рогатого скота; вводились некоторые технические улучшения по уборке урожая не серпами, а «малыми косами с грабельками», для чего на места было послано несколько тысяч кос и направлены специалисты из прибалтийских крестьян для обучения употреблению кос, а камер-коллегии было приказано наблюдать, чтобы крестьяне, обученные новому способу уборки, не вернулись к старому [21; 95 и 239].

Заинтересованный в распространении и теоретических знаний по сельскому хозяйству, Пётр I лично участвовал в переводе с немецкого языка «Трактата о хлебопашестве». Критически перечитывая «Трактат», он многое в нём опустил, отметивши, что «немцы обыкли многими негодными рассказами книги свои наполнять только для того, чтобы велики казались, чего, кроме самого дела и краткого перед всякою вещью разговора, переводить не надлежит» [10; 123]. Следует также отметить, что Петр I положил начало и профессионально-техническому образованию, если не прямо, то косвенно связанному с сельским хозяйством: в 1701 г. в Москве была открыта школа математических и навигацких наук, готовившая астрономов, геодезистов, географов, гидрографов и навигаторов. В этом же году в Москве была основана астрономическая обсерватория.

Хотя эти мероприятия Петра I мало затрагивали крестьянство, составлявшее до 98 процентов всего населения страны, и были мало значащи для сельского хозяйства, но и они, а также и общее пробуждение народного хозяйства в связи с реформами Петра I сыграли роль в деле зарождения и развития сельскохозяйственных знаний.

В этом отношении более важное значение имело учреждение в 1725 г. Академии наук, которая стала проводить работы в области естественно-географического и экономического изучения России. Работы эти во второй половине XVIII в. после учреждения при Академии «класса агрикультуры, т. е. земледельства», приобрели характер сельскохозяйственного исследования. Они велись путем исследовательских экспедиций академиков Палласа, Лепехина, Рычкова и других. Паллас, например, во время своего путешествия по России изучал разные системы земледелия, вопросы удобрения и плодородия.

К этому же времени относится выдающаяся деятельность известного ученого М. В. Ломоносова (1711—1765), разносторонний гений которого не мог не остановиться на вопросах сельскохозяйственной науки. Ломоносов разработал материалистические представления о составе растений, животных организмов, почв, удобрений и наметил методы анализа песка, глины, солей [108а]. Занимаясь геологическими исследованиями «слоев земных», Ломоносов пришел к выводу, что «чернозем не первообразная и не первозданная материя, но произошел от согнития (т. е.

гниения) животных и растущих тел со временем» и, таким образом, более чем за сто лет до появления почвоведения как науки выдвинул теорию чернозема. Ломоносов также впервые отметил важное значение для земледелия таких наук, как химия и метеорология.

В своей оде «Какую радость ощущаю» (1750) он призывал химиков проникнуть «взора остротой» в «земное недро», чтобы открыть драгоценные сокровища России, а астрономов—предвещать погоду для своевременного посева хлебов и их уборки.

В 1747 году он перевел с немецкого языка «Лифляндскую экономию»—руководство по устройству крупной экономики с трехпольной системой. Большую заинтересованность Ломоносов проявил в учреждении особого ведомства по вопросам сельского хозяйства и представил проект — «Мнение об учреждении Государственной коллегии Земского (сельского) домостроительства». Эта коллегия, по его мысли, должна была ведать вопросами земледелия, лесоводства, дорожного дела, сельских ремесел и находиться в связи с местными органами коллегии: конторами и надзирателями по губерниям, а также и сельскими хозяевами. Таким образом, Ломоносов впервые выдвинул проект такого центрального учреждения, которое осуществилось только с появлением в XIX в. Министерства государственных имуществ.

Кроме того, по мысли Ломоносова, при Коллегии должен иметься опытный участок с различными почвами, «где бы разные места были гористые и сухие, болотистые и глинистые, и луговые», обрабатывать этот участок должны были «приписные здесь в близости деревни и крестьяне». Так что Ломоносов был пионером и в проекте сельскохозяйственного опытного участка, впервые появившегося впоследствии при Земледельческой школе.

Проект Ломоносова о сосредоточении сельскохозяйственных вопросов в специальном центральном органе вскоре осуществился, но не в форме государственного органа, а в форме добровольной первой в России научно-общественной организации — «Петербургского вольного экономического общества к приращению в России земледелия и домостроительства» (1765).

Во второй половине XVIII в. возрастал спрос на хлеб и на другие сельскохозяйственные продукты в связи с увеличением городского населения и расширением внешнего рынка через Черное и Балтийское моря. Правительственное наблюдение за сельским хозяйством с 1764 г. было поручено губернаторам, которые должны были заботиться о земледелии, как источнике всех сокровищ и богатств государства, и о размножении свойственных каждой губернии и провинции продуктов, отпускаемых за море. В 1775 г. с учреждением губерний установлены были казенные палаты и при каждой из них определены особые директора экономии для попечения о государственных крестьянах. Между тем производительность сельского хозяйства при экстенсивном ведении земледелия, при трехполье и перелогах падала. На оскудении почвы сказывался также и упадок животноводства, без которого почва лишалась навозного удобрения. Многие современники, экономисты и практики-хозяева с тревогой отмечали падение урожайности и предлагали разные меры к ее подъему. Но все подобные предложения были разрознены. Вольное экономическое общество (ВЭО) предложило объединить различные рационализаторские предложения по земледелию и другим хозяйственным вопросам, изучить и приспособить их к разным условиям

страны. Необходимо было также ознакомить русское общество с успехами и достижениями в области сельского хозяйства за границей.

ВЭО и его «Труды» (с 1766 г.) и явились таким центром, объединяющим и распространяющим рационализаторские предложения и улучшенную практику в области сельского хозяйства.

«Труды» общества были первым печатным научно-периодическим органом по вопросам сельского хозяйства в России.

В первые годы своего существования ВЭО разослало в провинцию анкету с вопросами о состоянии земледелия и скотоводства и собрало много важных сведений о сельском хозяйстве в России. В результате изучения ответов в 1769 г. Общество опубликовало инструкцию по проведению полезных опытов под названием «Приглашение сельских домостроителей к чинению некоторых опытов, касающихся до хлебопашества» [108, в]. Большинство «сельских домостроителей», по словам инструкции, только отмечают неурожай, ссылаясь на климат, почву, на недостаток удобрения, но не предпринимают мер к повышению урожайности. «Ни один из них (домостроителей), — говорится в инструкции, — не изыскивает причин худого урожая и обыкновенно не достает надежного и на опытах основанного знания, коим образом поправить у себя хлебопашество и тем умножить свои прибитки».

В инструкции — «Приглашении» — Общество предлагало проводить опыты в течение нескольких лет на специально выделенной десятине; при этом рекомендовалось разделить десятину на 8 частей для испытания удобрений, способов обработки, разных сроков вспашки и др. Во время опытов предлагалось вести дневник: записывать свойства полей, метеорологические данные, учитывать урожай и т. п. Инструкция стала применяться на местах многими, и 1769 г. — год опубликования «Приглашения» — следует считать годом начала опытного сельскохозяйственного дела в России, имевшего большое значение для развития сельскохозяйственной науки.

Дворян-помещиков в это время интересовали, главным образом, организационные вопросы по имению, вопросы о наилучших формах использования труда крепостных. Поэтому большое распространение получили «Вотчинные инструкции», в которых давались наставления помещичьим управляющим, как лучше организовать хозяйство.

Этим инструкциям Общество придавало большое значение, некоторые из них оно премировало и печатало в своих «Трудах». Из помещичьих инструкций вырабатывались потом правительственные инструкции, которыми пользовалось правительство при организации казенных крестьян.

Известна была инструкция В. Н. Татищева: «Краткие экономические до деревни следующие записки» (1742), в которых он указывал управляющему, как возделывать поля и содержать луга, как лучше пахать, сеять, косить сено, собирать жатву и т. п. [49а; 57—58]. Татищев требовал обучать крестьянских детей до 10 лет грамоте, а до 15 — всему, что требуется от крестьянина, в том числе и ремеслам. В основе всех этих советов Татищева лежал его крепостнический взгляд на крестьянина, как на раба.

Публицист того времени М. М. Щербатов в своем выступлении в комиссии по составлению Уложения в 1767 г. и в различных своих сочинениях по сельскому хозяйству также поддерживал дворян-крепостников. Причиной упадка земледелия Щербатов считал отделение про-

мышленности от сельского хозяйства. «Сие есть коренное зло в России, — писал Щербатов, — что во многих ее областях великое число крестьян, оставляя земледелие, ударилось в другие промыслы. Прежде крестьяне прилежали к хлебопашеству, были сыты, но бедны. Теперь же крестьяне, оставляя земледелие, стали ходить на другие работы и действительно стали богаче деньгами, но земледелие уало» [61; 410]. Щербатов считал, что сельское хозяйство улучшится не при казенном, а при личном, дворянском землевладении и предлагал распродать дворянам все государственные деревни.

Известностью пользовался и «Наказ для управителя или приказчика о порядочном содержании и управлении деревень в отсутствие господина», составленный академиком и членом ВЭО П. И. Рычковым и помещенный в «Трудах» ВЭО (1770 г., ч. 16). В «Наказе» Рычков, защищая крепостной строй, предлагал улучшить организацию барщинного труда на помещика, установить помещичий надзор за крестьянским хозяйством, непокорных крестьян наказывать, ссылая на поселения, отдавая в рекруты и т. п. [55 а; 488].

Но в противовес подобным реакционно-крепостническим проектам и инструкциям во второй половине XVIII в. в связи с первыми признаками разложения крепостной системы и зарождением капиталистического уклада возникло и антикрепостническое направление в жизни и литературе. Это направление проявлялось в первое время в крайне ограниченной критике крепостного строя. Я. П. Козельский, депутат в Комиссии по составлению Уложения 1767 г., выступал против помещичьих проектов М. М. Щербатова, настаивая на установлении законов, регулирующих отношения крестьян и помещиков, и на отделении крестьянских земель от помещичьих, чтобы крестьяне считали землю за собственный удел [55 а; 556—557]. Ученый и писатель Д. А. Голицын в своих письмах в 1771 году предлагал отменить крепостное право в интересах дворян. Он писал: «Каждый из нас очень выиграет от этого изменения, и... напротив, пока существует крепостное право, Российская империя и наше дворянство, предназначенное к тому, чтобы быть богачейшим в Европе, останутся бедными. К тому же, как мы иначе образуем третье сословие, без которого нельзя льстить себя надеждою создать искусство, науку, торговлю и пр.» [55 а; 525].

В конце XVIII в. антикрепостническое направление проявилось в революционно-демократическом выступлении А. Н. Радищева, в его книге «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790), в которой дана глубокая критика основ крепостного строя, показана непримиримость интересов крестьян и помещиков и неизбежность народной революции в России. В «Описании моего владения» (1800 — 1801), написанном после возвращения из ссылки, Радищев продолжал отстаивать право крестьян на собственную землю, рассказывал о своих агрохимических исследованиях и мечтал о том «благодетеле рода человеческого», который сумеет превратить плохие земли в плодородные [108 б].

Одновременно с антикрепостническим движением во второй половине XVIII в., в дальнейшем все усиливавшимся, росла и формировалась сельскохозяйственная наука. Появились исследователи, изучавшие такие вопросы, как плодородие почвы, плодосмен, культура отдельных сельскохозяйственных растений, появилась специальная сельскохозяйственная или, как тогда называлась, земледельческая литература. Хотя многие из этих исследователей все еще поддерживали крепостной

строй, но и их исследования показывали непримиримость сельскохозяйственной науки с крепостным правом и имели прогрессивное значение.

Среди ученых, посвятивших себя в это время сельскохозяйственной науке, следует назвать А. Т. Болотова, М. И. Афонина, И. Т. Комова, М. Е. Ливанова и А. А. Самборского.

А. Т. Болотов (1738 — 1833) получил домашнее образование и, находясь в своем имении в Тульской губ., занялся самообразованием в области сельского хозяйства и долготелыми наблюдениями и опытами на разнообразных угодьях своего поместья [7; 10—29 и др.]. Вступив в члены ВЭО, Болотов вскоре получил известность целым рядом статей в «Трудах» Общества. В одном из первых своих сочинений в «Наказе для деревенского управителя» («Труды» 1770, ч. 16) он дает советы, как сбрабатывать землю, отбирать для посева вызревшие, неповрежденные семена, полоть посев и т. п. В сочинении «О разделении полей» (1771), первом русском руководстве по введению севооборотов, Болотов доказывал преимущество многополья с организационной и экономической точек зрения. В 1778—79 гг. он издавал первый сельскохозяйственный журнал «Сельский житель», а с 1780 по 1790 гг. — «Экономический магазин», своего рода сельскохозяйственную энциклопедию — приложение к газете «Московские ведомости» при издателе Н. И. Новикове. Прекратилось это издание в связи с усилившейся реакцией после французской революции 1789 г. и преследованием Новикова. «Экономический магазин» был настольной книгой у образованных помещиков и учебным пособием в первой практической школе земледелия [20; пункт 15]. Болотов пользовался известностью за рубежом и был избран членом Лейпцигского экономического общества.

М. И. Афонин (1739—1810) по окончании в 1758 г. гимназии при Московском университете был отправлен сначала в Кенигсбергский университет, а затем в Упсальский университет в Швеции, где слушал лекции известного ботаника К. Линнея и минералога Валлерия, а также изучал земледелие и луговое хозяйство. В 1766 г. на заседании под председательством Линнея Афонин защитил диссертацию «О приложении естественной истории к общежитию», в которой рассматривалось практическое значение растений и животных в быту [19; 36—37]. Затем Афонин был (1770—1777) профессором натуральной истории и земледелия в Московском университете. Оставив университет по болезни, Афонин поселился в Крыму и занялся сельским хозяйством, подружился с академиком Палласом и произвел ряд сельскохозяйственных опытов, о которых сообщал ВЭО.

Жизненный и творческий путь И. Т. Комова (1750—1792) своеобразен. Он характеризует обстановку и условия, при которых протекали в то время научные исследования и вырастали ученые. Сын московского священника Комов учился в Москве в славяно-греко-латинской академии, выпускавшей главным образом церковнослужителей. Из старшего философского класса этой академии по распоряжению Синода — высшего церковного органа, ведавшего этим учебным заведением, Афонин был отобран в числе других 5 студентов и направлен в Петербургскую Академию наук для участия в качестве ученика и помощника в естественноведческой научной экспедиции по России. В 1768 г. под руководством академика С. Г. Гмелина Комов отправился в экспедицию по маршруту Петербург—Астрахань — граница Персии и обратно [12 б; 22].

В экспедиции Комов провел 7 лет (1768—1775). Она явилась для

него практической школой по изучению естественных наук и состояния сельского хозяйства в разных зонах Европейской России. Впоследствии в своем труде «О земледелии» (1788) Комов не раз ссылался на свои наблюдения, проведенные во время экспедиции.

Через год Комов, знакомый с отечественным сельским хозяйством, был командирован в числе других 6 человек в Англию, приобретшую в это время известность некоторыми новшествами в сельском хозяйстве, вызванными развитием промышленности в связи с появлением в ней машинного труда. В английском сельском хозяйстве стали применяться дренаж, искусственное удобрение, заимствованный из Нидерландов плодосмен и др. При командировке Комову было поручено, как он сам писал, «примечать, какой где хлеб, овощи и травы и на какой земле и в какую пору сеют, как пахут, какие плуги, бороны употребляют, каким навозом какую землю удобряют, какую скотину держат, какие имеют о земледелии книги и т. п.» [12 б; 49—50]. Выполнив эту программу, Комов изучал сельское хозяйство в селах Англии и на опытной ферме английского экономиста А. Юнга. В Англии Комов пробыл 8 лет (1776—1784). Англичане оценили знания и опыт Комова, избрали его членом Батского общества «к ободрению земледелия, рукоделия и торгов», учрежденного в 1777 году. Вернувшись на родину, Комов получил, как и его товарищи по командировке, звание «профессора земледелия» (названий агроном и агрономия в русском языке тогда не было, появились они в 30-е гг. XIX в.). Работал Комов до конца жизни в Московской казенной палате в качестве помощника директора домоводства Московской губ. Им написаны труды «О земледельческих орудиях» (1785) — первое русское руководство по сельхозмашинам, и «О земледелии» (1788) — также первое руководство по общему земледелию и агротехнике, в котором он разрабатывал вопросы плодородия почвы, обосновывал плодосмен и т. п.

М. Е. Ливанов (1751—1800) окончил в 1772 г. юридический факультет Московского университета и вместе с Комовым был в командировке в Англию. По возвращении в Россию он был определен со званием профессора земледелия помощником директора домоводства Таврической губ. и в 12 верстах от Николаева, в с. Богоявленском, организовал земледельческую школу, просуществовавшую до 1797 г. Ливанову принадлежат две работы: «Наставление к умозрительному и делопроизводному земледелию» (1788) и «О земледелии, скотоводстве и птицеводстве» (1791). В «Наставлении» уделено большое внимание обработке почвы, удобрениям и травосеянию.

А. А. Самборский (1732—1815), направленный в 1765 г. по окончании Киевской духовной академии в Англию в качестве священника при православной церкви в Лондоне, изучал также общее состояние английского сельского хозяйства [12б; 46—47, 53]. Возвратившись в Россию, Самборский составил работу «Описание практического английского земледелия, собранное из разных английских писателей» (1781), и хлопотал об основании в России земледельческой школы, которая и была открыта около Петербурга.

Приведенная краткая справка о жизни и деятельности первых исследователей сельского хозяйства в России показывает, что первые агрономы XVIII в. при отсутствии в то время сельскохозяйственных учебных заведений в России и за рубежом прокладывали себе дорогу в ис-

следовательских работах и достигали успеха благодаря самобразованию и долголетнему практическому стажу.

Труды первых русских агрономов, создаваемые на основе русского и зарубежного сельского хозяйства, стояли на уровне тогдашних сельскохозяйственных теоретических и практических знаний в России и за рубежом.

Результаты обследования сельского хозяйства и экономики в России Академией наук, рационализаторские предложения в «Трудах ВЭО, выводы из практики многих русских хозяев и из изучения русского и зарубежного сельского хозяйства, появление специальных научных работ по сельскому хозяйству — все это создавало основу для того, чтобы начать распространение формировавшейся сельскохозяйственной науки через учебные заведения.

Пионером в области распространения сельскохозяйственных знаний явился Московский университет, положивший начало большинству наук.

В 1765 г. часть московских профессоров: Керштенс, Барсов, Шаден и другие, пытаясь связать университетское образование с сельскохозяйственной практикой, подписали особое «мнение об учреждении и содержании императорского университета и гимназии в Москве» [41: 7—8]. В этом «мнении» они предлагали на «обширнейшем, философическом» факультете изучать «основания камерных, коммерческих, полицейских, горных и мануфактурных дел», чтобы студенты «богатства по всем состояниям государства» развивали и просили дать в их ведение какую-либо подмосковную деревню для проведения опытов по улучшению хозяйства, по усовершенствованию тканья и беленья холста, для устройства мельницы, типографии и т. п. Однако это «мнение», направленное в сенат, там и застряло.

Первое живое слово о сельскохозяйственной науке в Московском университете было сказано проф. М. И. Афониним, который одновременно с чтением на медицинском факультете натуральной истории, куда входили ботаника, зоология и минералогия, начал преподавать по поручению университета земледелие. В лекциях по земледелию Афонин пользовался соответствующими работами русских и зарубежных ученых.

22 апреля 1771 г. Афонин прочел в Московском университете публичную лекцию «О пользе, знании, собирании и расположении чернозему, особливо в хлебопашестве», в которой он описывал свойства чернозема, указывал способы его обработки и предлагал «собирать не только чернозему, но и другие земли, располагать их на свои роды и виды и хранить оные с запискою их свойств, названия уезда, деревни и самого поля, с которого такая земля будет взята» [44 с: 56]. Его лекция затем была издана в Москве. После ухода Афонина из университета (1777) чтение курса земледелия прекратилось и возобновилось через 27 лет, когда по уставу 1804 г. была открыта кафедра минералогии и сельского хозяйства.

В конце XVIII в. появляется попытка распространения сельскохозяйственных знаний через специальную школу. Возникновение этой школы было подобно появлению большинства школ в XVIII в., когда не было еще центрального органа, ведавшего образованием, и когда школы возникали главным образом для удовлетворения запросов отдельных ведомств, учреждений и сословий. По словам проф. Владимирского-Буданова, «народное образование (в России первой поло-

вины XVIII в.) нисколько не входило в число задач правительственной деятельности, а всякое образование было приготовлением к тому или другому роду службы... Школою была гвардия, церковь, присутственное место и вне их ничего, что могло бы назваться образованием в собственном смысле... Коллегии образования не было устроено потому, что понятия об образовании не было». Такое положение, собственно, оставалось и во вторую половину XVIII в. до учреждения министерства просвещения в 1802 году. Так открывались различные военные школы, духовные семинарии, коммерческое училище [39: 10].

Первая земледельческая школа была открыта, как школа ведомственная, по инициативе «Экспедиции государственного хозяйства и сельского домоводства» — центрального учреждения, в распоряжении которого по преемству от петровской камерколлегии с 1780 г. перешли крестьяне государственные, находившиеся при Сенате под ведомством генерал-прокурора.

Одной из причин открытия школы была реорганизация жизни государственных крестьян, которых насчитывалось в это время до 5 миллионов. Эта реорганизация была вызвана стремлением повысить доходность государственных имений. Среди других обязанностей экспедиции была забота и об улучшении земледелия на местах, «дабы, — как говорилось в ее Положении, — тем вернее открывать точный путь, по которому бы не только рукоделия, но даже и самые произведения природы искусством и тщанием удобнее могли бы быть приводимы в лучшее час от часу состояние и совершенство». Государственные крестьяне по проекту «Экспедиции» в начале 1797 г. были организованы в волости; в волостях выбирались старосты и головы, которые должны были «пещись о всем сельском хозяйстве», о надлежащей эксплуатации земли, о постройках, дорогах и т. п.

Кроме нужды в старостах, грамотных в сельском хозяйстве, открытие школы вызывалось также расширением дворянского землевладения. При Екатерине II и Павле I было роздано дворянам до 700 тысяч казенных крестьян, также были проданы им после генерального межевания 1765 г. «впусте лежащие земли». Явилась потребность в лицах, которые могли бы устроить имения новых помещиков. На этой почве и возник в Москве (1779) Константиновский межевой институт.

Для практического обучения земледелию волостных старост и правителей была открыта 30 апреля 1797 г. недалеко от Петербурга и г. Павловска, в д. Терлевой, Петербургская практическая школа земледелия. Основатели школы особенно подчеркивали ее практическое направление. «Довольно известно, — так начиналось Положение о школе, — что опыты и примеры более действуют во всех почти человеческих познаниях, нежели школьные учения и наставления, а особливо в такой науке, какова земледельческая, в коей все теоретические правила должны почерпнуты быть из практики: то соответственно сему и дабы не стесняться от цели, для коей школа сия учреждается, предположено приступить прямо к практическому в ней учению» [20].

Школа находилась в ведении «Экспедиции государственного хозяйства». Положение о ней подписали А. Куракин, А. Самборский, А. Храповицкий, З. Хитрово, К. Габлиц, Т. Тарбеев и М. Татаринов. Большую заинтересованность в школе проявляли непосредственный руководитель школы А. Самборский и генерал-прокурор А. Куракин, впоследствии

при Николае I, — председатель Комитета 1828 г. по выработке устава об управлении государственных крестьян.

Школе был отведен участок в 252 десятины для разных отраслей сельского хозяйства и ассигновано 20 тысяч рублей на ежегодное содержание.

Главное внимание в школе по Положению должно было уделяться земледелию — хлебопашеству. Требовалось «доказать, говорилось в Положении, на самом опыте пользу разделения пашни на семь полей и возможность такого же заведения во многих местах России и каким образом через посевные обороты можно избежать повсюду в России еще обычного, но весьма вредного оставления под пар третьей части земли, лишаящей государство ежегодно третьей части своего обилия... Введение в обыкновение нового сего разделения полей будет наипаче полезно в малоземельных губерниях, ибо посредством оно истребителя надобность в общих выгонах, а земля, под ними состоящая, обратится в плодородную пашню, тем самым облегчится удобрение бесплодных земель, ибо переменные посевы весьма заменяют другие роды туков».

Кроме популяризации семенного дела, школа должна была заняться изучением «доброты семян», применением травосеяния и разведением искусственных лугов, «дабы выгодная сия часть земледелия, имеющая влияние на все сельское хозяйство, более распространилась в России».

В план занятий в школе входили также садоводство, цветоводство, огородничество, лесоводство, скотоводство и сельская механика (построение ветряных и водяных мельниц).

Выполнение так широко поставленных задач намечалось осуществить через четырех наставников: по хлебопашеству, садоводству и лесоводству, скотоводству, по сельской архитектуре и механике. При этом наставник по скотоводству предполагался женатый, чтобы его жена, «занимая место скотницы и упражняясь в птицеводстве...», могла давать в том наставления воспитанницам школы», а лекарь школы должен был знать и ботанику, чтобы учить о пользе разных растений. Каждый наставник должен был записывать свои занятия в особый журнал; из записей составлялся общешкольный журнал под наблюдением особого чиновника-земского.

В школу был объявлен широкий доступ лиц обоего пола, всех сословий и различных степеней образования. В первый прием предполагалось зачислить 53 учащихся, из них 8 студентов университета, 5 семинаристов, 10 воспитанников и 10 воспитанниц сиротских домов и 20 казенных крестьян. Предполагался прием и помещичьих крестьян. Крестьяне должны были посылаться по разверстке попеременно из разных губерний, а остальные принимались добровольно. Предполагалось, что после окончания школы учащиеся из университета и семинарий станут наставниками подобных школ, питомцы сиротских домов — старостами и управителями имений, а крестьяне, возвратясь домой, будут примером для других, их можно будет с большею выгодой использовать на хозяйстве.

Занятия в школе должны были носить только практический характер: каждый должен был собственными руками производить работу. Но это требование относилось только к неграмотным крестьянам, для которых считались ненужными не только теоретические знания в земледельческих науках, но и элементарная грамотность; учащихся из

крестьян обучали не грамоте, а ремеслам. Остальные же учащиеся не из крестьянского сословия освобождались от всяких физических работ и только знакомились с употреблением земледельческих орудий. В свободное от практики время им предлагалось посещать лекции в Академии наук и читать «Труды» ВЭО, «Экономический магазин» Болотова, а также иностранную, преимущественно немецкую, сельскохозяйственную литературу. В помощь для чтения иностранной литературы при школе полагался особый переводчик, знающий немецкий, английский и русский языки.

Таким образом, сами устроители школы признавали неспособность предполагаемых наставников школы дать учащимся теоретические знания по сельскому хозяйству и отсылали учащихся с этой целью в Академию наук и к литературе.

Положение о школе, разработанное «Экспедицией» в слишком широком плане, оказалось нежизненным и имело только декларативный характер. Не нашлось для школы не только наставников, но и учащихся.

Через 2 года после почти безуспешного привлечения в школу учащихся «Экспедиция» отказалась от своего начинания и передала школу только что возникшему (1797) Департаменту уделов, который вел делами крестьянами, принадлежавшими царскому двору.

Департамент уделов решил набирать в школу только крестьян и при этом набирать насильно в случае их несогласия. О тяжести этого набора для крестьян, который можно сравнить с рекрутским набором, и о бесцельности обучения насильно набранных крестьян впоследствии министр уделов Трошинский в докладе о школе писал: «Из дел и сведений, поступающих в Департамент, видно, что крестьяне, назначаемые в школу, выбираются тем же порядком, как и рекруты. Все селение почитает их мертвыми или безвозвратно для них потерянными. Их так же оплакивают, так же провожают, как рекрут. Поборы для высылки оных в школу обращаются крестьянам в крайнее отягощение; молодые поселяне, отторгнутые от дома родительского, от собственного пепелища, от жен своих и детей, едут в школу с твердым намерением забыть немедленно, по возвращению в дома свои, выученные ими в школе правила с тем, чтобы истребить память долговременной разлуки» [100 б; № 3, 17]. Приведенная выдержка из доклада министра Трошинского является красноречивым документом, свидетельствующим о том, что само правительство видело в крепостной системе серьезную помеху для распространения сельскохозяйственных знаний через школу. Оно было бессильно заставить учиться крестьян, понимавших, что это ученье пойдет только на пользу помещикам-дворянам. Кроме того, крестьяне не хотели отправляться в школу и потому, что школа находилась на окраине, слишком отдаленной от их места жительства.

Департамент уделов (с 1802 г.) так же, как и открывшая школу «Экспедиция», предполагал силами окончивших школу организовать примерные усадьбы с тем, чтобы, как говорилось в инструкции, «соседствующие с удельными поселянами помещики, по склонности к хлебопашеству и домашнему хозяйству, усмотря на деле цель и плоды основания сего рода, заведут подобные же у себя». На участке при школе было заведено травосеяние, показана выгода разведения под Петербургом гречихи, испробована осушка земли и др. [21: 79].

Но школа не удалась и Департаменту уделов. Насильственный на-

бор крестьян не помог организовать школу, а еще больше оттолкнул крестьян от нее. На почве набора в школу начались крестьянские волнения, и в 1803 г. Департамент вынужден был закрыть школу «для сохранения казенных выгод и спокойствия поселян», как говорилось об этом в решении о ее закрытии. «Казенные же выгоды» от школы были такие: за 6 лет существования (1787—1803) она стоила государству 200 тысяч рублей. «Но за сию толико знатную издержку,—писал министр Трощинский, — существенной прибыли действительно выручено: деньгами 1 087 р. 85 к., а учением ничего».

Это последнее признание, что учением школа ничего не дала, говорит о полной неудаче первой попытки организовать сельскохозяйственную школу путем набора крестьян в период развития крепостного хозяйства при еще неоформившейся сельскохозяйственной науке.

Неудача первой сельскохозяйственной школы вызывалась нежеланием учиться сельскому хозяйству не только крестьян, но и других сословий, на которые была рассчитана школа, и в особенности дворян-помещиков, непосредственно соприкасавшихся с сельским хозяйством. Ведь если дворяне-помещики в своей подавляющей массе считали, подобно фонвизинским Митрофанушке и Простаковой, географию не дворянской, а извозчичьей наукой, то что уж говорить о хлебопашестве и скотоводстве — предметах, подлежащих, по их мнению, ведению мужика, старосты, бурмистра.

Неудача сельскохозяйственной школы в конце XVIII в., подобна неудаче, постигшей в начале XVIII в. цифирные школы, предназначенные для обучения арифметике и геометрии детей дворян, приказных и др. в обязательном порядке под страхом запрещения жениться. От обучения в этих школах, как известно, уклонились и дворяне, и кулацы, и посадские люди, и духовенство, и школы пришлось закрыть (1744). Специальное образование еще не имело широкой популярности, оно не вызывалось ни жизненной необходимостью, ни состоянием и развитием соответствующих знаний.

После закрытия практической школы земледелия здесь же, недалеко от Петербурга и Павловска, в 1803 г. была открыта Министерством финансов первая Лесная школа. Она оказалась в более натуральной обстановке, а поэтому и более жизненной. В 1811 г. Лесная школа была переведена в окрестности Петербурга, а затем перешла в Министерство государственных имуществ (МГИ) и в 1847 г. преобразована в Лесной институт.

Между тем развитие капиталистической экономики в начале XIX в., подъем промышленности, рост городского промышленного населения, увеличение хлебных цен и другие общественные явления времени, проникавшие в крепостное хозяйство, разлагали его, что заставляло сельское хозяйство приспосабливаться к новым условиям жизни и улучшать свою технику. Отечественная война 1812 года также внесла большие изменения в экономическую и политическую жизнь страны. Многие помещики вынуждены были переселиться из города в деревню и, занявшись сельским хозяйством, изыскивать новые приемы его ведения. Война 1812 г. и заграничные походы русских в 1813—1815 гг. способствовали пробуждению политического сознания у офицеров-дворян и у крестьян-солдат. Создавалась революционная программа декабристов, направленная на свержение самодержавия и отме-

ну крепостничества. Крестьянский вопрос стал привлекать особое внимание передовых деятелей русского общества.

Формирование сельскохозяйственной науки, начавшейся в XVIII в. в курсах Афонина, Комова и в трудах других ученых, продолжалось и в начале XIX в. По университетскому уставу 1804 г. сельскохозяйственная наука получила официальное признание и под названием «сельское домоводство» была включена на одной кафедре с минералогией в число университетских предметов физико-математического отделения.

Признание сельского домоводства университетской наукой, дальнейшие успехи естествознания, проявившиеся в организации Московского общества испытателей природы (1805), политико-экономические события начала XIX в. — все это способствовало открытию специальной сельскохозяйственной школы на более прочной основе, чем неудавшаяся Петербургская школа земледелия.

В 1818 г. по инициативе наиболее просвещенных дворян, связанных с Московским университетом, было учреждено Московское общество сельского хозяйства (МОСХ), поставившее своей задачей распространение сельскохозяйственных знаний и улучшение земледелия и животноводства. Общество решило открыть в Москве Земледельческую школу. Потребовался специалист—организатор и руководитель школы. Нужду в профессоре сельского домоводства испытывал в это время и Московский университет, так как руководитель этого курса проф. А. А. Антонский (1804—1818) не проявлял интереса к этому предмету и больше был занят административной работой [44к; 12]. Выбор остановился на выдающемся питомце Московского университета М. Г. Павлове (1793—1840), который окончил два факультета (математический и медицинский) и был оставлен в университете при кафедре натуральной истории. В 1818 году он защитил диссертацию на степень доктора медицины и Московским университетом был командирован за границу для изучения сельскохозяйственной науки [44д, ч. II, 183—99].

Сначала Павлов направился в Париж, затем в Меглинский сельскохозяйственный институт, открытый немецким ученым А. Тэером в 1807 г. недалеко от Берлина. Обучение в Меглинском институте продолжалось один год [94а. —17; 269—273]. Сам Тэер, возглавлявший институт, преподавал в нем земледелие, производство растительных и животных продуктов и экономию (организацию хозяйства). Его друг, химик Эйнгоф, преподавал физику, химию, технологию. Кроме того, в институте преподавались математика и обращение с земледельческими орудиями. Воспитанники института, которых было до 25, платили за обучение с полным содержанием 322 рубля в год. При институте издавался журнал «Möglinische Annalen». («Меглинские анналы»).

После обучения в Меглинском институте Павлов приступил к чтению лекций в Московском университете по минералогии и сельскому хозяйству (с 1824 г. — ординарный профессор), стал деятельным членом МОСХ и был назначен директором Земледельческой школы и хутора в 210 десятин, отведенного обществом школе для практических работ учеников и для опытов.

В первом номере «Земледельческого журнала», который стало издавать Московское общество с 1821 г., в руководящей статье «Начертания школы земледелия» Павлов впервые широко ставит вопрос о важности

сти сельскохозяйственного образования для России, о необходимости иметь своих русских техников в области сельского хозяйства.

«Сколько иностранных механиков, — говорится в статье, — завозило в России хорошие мельницы; под их надзором мельницы действовали с большим успехом, но как скоро механики уезжали для прискания себе новых работ, то и мельницы молот переставали. Какую же пользу принес государству искусный иностранец? Никакой. Приобретенные за труды свои деньги он вывез из государства, а искусства не оставил». Главным залогом развития сельского хозяйства в России и создания собственной технической интеллигенции журнал считает появление, по примеру Франции, так называемого третьего сословия. «В иностранных землях, — говорится в статье, — хлебопашество, торговля и искусство обязано своим усовершенствованием разряду людей, именуемых людьми среднего состояния. Они соединяют просвещение с навыками к труду, к хозяйству и сими двумя значительными средствами вознесли все части промышленности до того совершенства, которое нас пленяет и которое желали бы видеть и в нашем отечестве. В России людей сего разряда нет, просвещение есть принадлежность одного дворянства. Кого определяем мы в приказчики или бурмистры? Крестьянина, который ничего нового и лучшего не придумает... Недостаток в хороших приказчиках давно уже был замечен, ибо не даром велась русская пословица: «не купи села, а купи себе приказчика» [94; 1821, № 1, 59—68].

Таким образом, высказываясь в программной статье о желательности в России третьего сословия (оно названо средним сословием) и о необходимости образования крестьян, Павлов указывал на важность раскрепощения крестьян для развития сельскохозяйственного образования.

Первоначально у Павлова и некоторых организаторов Московской земледельческой школы было стремление предназначить школу для крестьян на основе необходимого их раскрепощения, поэтому в первые годы в школу принимались только крестьяне. Но осуществить это не удалось, так как МОСХ, ведавшее школой и состоявшее в большинстве из дворян-крепостников, дало ей иное направление.

Школе была поставлена задача — «приготовление людей, способных к занятию должностей приказчиков в деревнях и которые имели бы достаточные сведения, дабы с пользою приводить в исполнение те открытия по части хлебопашества и сельского хозяйства, которые обществом сделаны будут».

Штат школы был намечен из четырех учителей-специалистов: первый — по арифметике, геометрии, съемке планов, строительной части в сельском хозяйстве; второй — по ботанике и теории хлебопашества; третий — по химии и технологии; четвертый — по скотоводству.

Московская земледельческая школа выпускала конторщиков, землемеров, сельских строителей и приказчиков. Ученье продолжалось четыре года. В первые два года изучались грамматика, арифметика, закон божий, бухгалтерия, чистописание, черчение и рисование, а во вторые два — геодезия, механика, физика, химия, физиология растений, земледелие и архитектура. Такое распределение предметов было проведено в 1833 г.

Благодаря центральному географическому положению, а также благодаря поддержке и большой заинтересованности в школе МОСХ Московская земледельческая школа оказалась жизненной и явилась ста-

рейшей агрономической школой в России. До 1861 года ее окончило 730 человек.

Почти одновременно с Московской земледельческой школой был основан в Маримонте, предместье Варшавы, Маримонтский сельскохозяйственный институт. Так как некоторые современные исследователи связывают историю этого института с историей сельскохозяйственного образования в России, то необходимо остановиться на возникновении и характере этого учебного заведения, что даст основание определить действительное место Маримонтского сельскохозяйственного института в истории сельскохозяйственного образования.

Маримонтский сельскохозяйственный институт был основан в 1861 г. в Королевстве Польском, только что отошедшем к России по Венскому конгрессу 1815 г. и сохранившем прежнее центральное управление: сейм и министерства. Возникновение института в предместье Варшавы одновременно с Варшавским университетом было вызвано и подготовлено, с одной стороны, формированием сельскохозяйственных знаний, а с другой стороны, социально-экономической обстановкой, сложившейся в Королевстве Польском еще до его присоединения к России [34; 222—229].

Освобождение польских крестьян от крепостной зависимости в 1807 г. при сохранении за помещиками их земельных владений и при предоставлении помещикам права сгонять крестьян с земли повело к увеличению батрачества и к капитализации сельского хозяйства. Маримонтскому институту и ставилась задача подготовить для обслуживания перестраивавшихся фольварков польской шляхты технических работников из среды польской молодежи: овчаров, винокуров, батраков в низшем классе, экономов и управителей имениями в высшем классе. [Wielka encyklopedia powszechna, т. 45—46, Варшава, 1911, 548—549].

Преподавание в институте только специальных предметов по природоведению, земледелию и сельскому строительству велось на польском языке, состав преподавателей и учащихся за все время существования Маримонтского института (до 1862 г.) был польский. Некоторые преподаватели института, как Очаповский, Флатт, Здитовецкий, Богуцкий и другие, способствовали развитию польской агрономии. В 20-е годы Очаповский принимал участие в организации института сельского домоводства при Виленском университете, а в 40-е годы был директором Маримонтского института. Очаповский составил книгу на польском языке «Сельское хозяйство, заключающее в себе все отрасли земледельческой промышленности, теоретически-практически изложенное» [Варшава, 1835—1840, 17; 193].

Хотя это польское сельскохозяйственное учебное заведение называлось институтом, а преподаватели — профессорами, но по двухгодичному учебному плану и по цели готовить батраков и экономов его следует отнести к средней сельскохозяйственной школе.

Таким образом, Маримонтский сельскохозяйственный институт, хотя и находился на территории тогдашней Российской империи, но по национально-государственной принадлежности, по назначению, по составу учащихся и преподавателей должен быть признан польской средней сельскохозяйственной школой; поэтому нет никакого основания рассматривать его в истории сельскохозяйственного образования в России как предшественника Ново-Александровского и Харьковского сельскохозяйственных институтов, что делает, например, современный исследо-

ватель А. Н. Соколовский [93; 141—142] и другие [8; 5—9—10; 238].
Оставаясь польской сельскохозяйственной школой до своего закрытия в 1862 г., Маримонтский институт в 40-е и 50-е годы подвергался реформам, что описано ниже для характеристики правительственной политики в сельскохозяйственном образовании в России.

Интерес к крестьянскому вопросу и сельскохозяйственному образованию, пробудившийся в России в 40-е годы, не только вызвал к жизни в Москве Общество сельского хозяйства и Земледельческую школу, но и способствовал оживлению деятельности Вольного экономического общества (ВЭО) в Петербурге, возникновению обществ: Вольного экономического в Белоруссии (1824), Сельского хозяйства Южной России (1828) и основанию в 1832 г. земледельческого училища в удельном ведомстве.

Деятельность Петербургского ВЭО особенно оживилась, когда возглавил его Н. С. Мордвинов (президент Общества с 1823 по 1844 г.), экономист и деятель по сельскохозяйственному образованию, с именем которого связано основание Горыгорецкой земледельческой школы. К вопросам сельского хозяйства Мордвинов подходил с государственной точки зрения, имея в виду самостоятельную экономику России. Ведущим фактором развития производительных сил страны он считал фабричную промышленность, от которой зависело развитие земледелия: чем больше фабрик, тем шире рынок для сбыта сельскохозяйственных продуктов и тем больше должно развиваться сельское хозяйство. Такие мысли Мордвинов развивал в своей книге «Некоторые соображения по предмету мануфактур в России» (1815).

Ставя развитие промышленности на первый план, Мордвинов в то же время осуждал отсталость деревни и указывал на необходимость просвещения. Незадолго до восстания декабристов в специальной записке Александру I Мордвинов, как президент Общества, писал: «Там, где сохой скребют землю не глубже как на 4 пальца, где работает скот малосильный, всегда тощий, где паренина существует, где урожай дает от 3 до 4 зерен, где на десятине накашивают 30 или много 50 пудов сена, где коровы питаются соломою, а люди едят хлеб мякинный, конечно, владыке сих 12 миллионов душ достаточно стяжения от них ожидать не можно... Но в сей дикости она (империя) и навеки остаться должна будет, если населяющие ее 12 миллионов пахарей и пастухов, живя среди мхов и дебрей, в грубых деревенских хижинах, оставляемы будут без всякого урядства и просвещения их во всем том, что потребно к благоденствию народному» [49а; 127—129].

Особенно бедственное положение замечал Мордвинов у крестьян, принадлежавших государственной казне, которая, по его мнению, неспособна правильно вести хозяйство, и он проектировал (1825) передать всех государственных крестьян в долгосрочную аренду помещикам и учебным заведениям, а также предлагал, воскресая проект Ломоносова о Коллегии сельского домостроительства, установить особое министерство сельского хозяйства, которое ведало бы всеми сторонами крестьянского вопроса.

Эти взгляды Мордвинова нашли более яркое выражение в дальнейшей его деятельности в 30-е годы.

ВЭО в первый год президентства Мордвинова взяло под свое руководство Школу земледелия и горнозаводских наук, учрежденную в 1824 г. в Петербурге С. В. Строгоновой [40; пост. 15.III 1824—81; 259—260].

Первоначально Строгонова имела в виду обучить крестьян своего имения горнозаводскому делу для использования их на своих соляных и железоплавильных заводах в Пермской губ. Но через год, решив от школы получить не только ремесленников для горных заводов, но и хороших хлебопашцев и приказчиков для имения, Строгонова переименовала школу в Школу земледелия и горнозаводских наук, предоставила школе свою усадьбу в Марьино, Новгородской губ., в 70 верстах от Петербурга, и передала руководство школой ВЭО.

Между тем происходило дальнейшее разделение труда и специализация знаний. Горнозаводские науки развивались самостоятельно, имели к этому времени свое особое ведомство (Ученый комитет по горной и соляной части при горном департаменте Министерства финансов с 1825 г.) и свое специальное учебное заведение (Горное училище в Петербурге с 1764 г.). Поэтому в школе стали изучаться только домоводство и опытное земледелие: низшее трехлетнее отделение готовило в Марьино хлебопашцев и ремесленников, а высшее двухлетнее — в Петербурге и Марьино — управителей, бухгалтеров и учителей для низшего отделения.

Учащиеся набирались с трудом и главным образом из имения Строгоновой. В 1843 г., например, во всех 5 классах было 27 учеников, из которых 5 окончило школу, из них 1 остался при школе репетитором, а 4 отправились на разные должности в другие губернии. Малочисленность учащихся не оправдывала затрат на школу: к 1844 г. (за 20 лет) школу окончило 65 человек, стоивших Строгоновой 1 млн 300 тысяч рублей (один ученик — 20 тысяч рублей). Строгонова в 1844 г. школу закрыла.

Неудача школы Строгоновой, вызванная денежными трудностями, а также недостатком преподавателей и учащихся, свидетельствует о бессиллии в эти годы в деле сельскохозяйственного образования частной инициативы, хотя и пользовавшейся поддержкой со стороны ВЭО.

Еще большая неудача постигла Белорусское вольное экономическое общество, организовавшееся в 1824 г. в Витебске и пытавшееся открыть земледельческую школу в Белоруссии [6а; 1824—28 гг.—16]. Это Общество возглавлялось белорусским генерал-губернатором Хованским и было, собственно, акционерной компанией, главным образом, белорусских помещиков, рассчитывавших на поддержку своих поместий со стороны Общества.

На правительственную ссуду в 10 тысяч рублей Общество купило имение — хутор Залучосье близ Витебска и выпустило акции по 500 рублей, распределив их среди 52 своих членов. В 1829 г. Общество решило открыть в Залучосье земледельческую школу, в которой преподавалось учить чтению, письму, а также теории и практике сельского хозяйства. Помещикам было предложено прислать в школу своих крестьян, но ни один помещик не отозвался на это предложение, боясь излишних расходов. Не увенчались успехом и поиски учителя-специалиста. Московское общество сельского хозяйства, к которому обратилось за рекомендацией Белорусское вольное экономическое общество, нашло какого-то финляндца Фрейберга, оказавшегося аферистом. Другой учитель Э. О. Мерц, поручик прусской службы, представил сомнительного происхождения рекомендации Меглинского сельскохозяйственного института и сначала был назначен при Обществе чиновником особых поручений «по ученой части сельского хозяйства», затем потребовал опла-

ты своего обучения в Меглинском институте в сумме 2100 талеров и 200 червонцев и, не получив их, отказался присягнуть и скрылся.

Белорусская школа не удалась. Хутор Залучосье, отданный в распоряжение помещика Гюбенталя, вскоре разорился. Белорусское же вольное экономическое общество обанкротилось и было закрыто в 1841 г.

Одновременно с неудачными попытками обществ и отдельных лиц организовать сельскохозяйственную школу возникла мысль и у правительства, прежде всего у Министерства уделов, приспособить подобную школу в своих интересах. Напуганное усилившимися крестьянскими восстаниями, Министерство уделов предприняло некоторые меры по предупреждению этих восстаний в царских удельных имениях и по укреплению в этих имениях крепостнически-монархической системы.

Для предупреждения голода и возникавших на его почве восстаний указом 1827 г. в удельных имениях были отведены особые участки так называемых общественных запашек, урожаем с которых пополнялись общественные хлебные магазины. А для руководства работами на общественных запашках и организации хлебных магазинов потребовались специальные смотрители.

С целью повышения доходности удельных имений и приучения крестьян к мысли, что земля принадлежит не им, а царской фамилии, в начале 30-х годов в удельных имениях был введен поземельный оброк вместо подушного. И, наконец, в целях повышения той же доходности имений и облегчения управления крестьянами Министерство уделов обменяло многие удельные имения, разбросанные в 25 губерниях, на казенные имения в наиболее доходных 11 губерниях и получило, таким образом, свои владения в более компактном виде, а казенные крестьяне при переходе в удельные лишались некоторой правовой самостоятельности.

Для получения смотрителей общественных запашек и хлебных магазинов, а также с целью воспитания у крестьян чувства преданности царю и сознания незыблемости крепостной системы и было открыто Министерством уделов земледельческое училище.

Для организации и устройства училища был приглашен профессор Харьковского университета М. А. Байков (1800 — 1849), преподававший в университете математику и сельское домоводство. После осмотра в 1831 г. удельных имений 30 различных губерний Байков остановился на имении близ Петербурга, в Красном селе, где на отведенных 400 десятинах 15 мая 1832 г. было учреждено земледельческое училище. Целью училища являлась подготовка из среды удельных крестьян смотрителей запашек и магазинов, а также устроителей образцовых усадеб и волостных писарей [9 а].

Учащиеся набирались из зажиточных семей удельных крестьян в возрасте от 17 до 19 лет. В первом году было набрано 250 крестьянских мальчиков из различных губерний. В училище было 3 класса: в нижнем преподавались чтение, письмо, арифметика и краткий катехизис, в среднем и высшем классах к общеобразовательным предметам присоединялись теория хлебопашества, скотолечение и механика применительно к мельницам. Кроме того, ученики всех трех классов обучались разным ремеслам: столярному, сапожному, кузнечному, слесарному и др.

Учителями были «чиновники и вольные люди» из окончивших бывшую здесь до открытия училища Красносельскую учительскую школу. Обучение полевым работам и ремеслам проводилось особыми надзира-

телями из гвардейских отставных унтер-офицеров «испытанной честности и кроткого нрава».

Вся бытовая и учебно-воспитательная сторона в училище была направлена на поддержание среди крестьян частновладельческих, монархически-крепостнических принципов и придавала всему училищу своеобразное «крестьянское» направление. По выражению придворных кругов, это было «мужицкое» училище.

По уставу училища ученики оставались в школьном быту теми же крестьянами: они жили в обычных крестьянских избах, полностью обслуживали сами себя, содержались на крестьянской пище, которую сами готовили, и сохраняли крестьянскую одежду — серые кафтаны, «дабы впоследствии, — как говорилось в уставе, — удельные крестьяне, видя в смотрителях подобных себе поселян, охотнее заимствовали бы от них улучшенные способы земледелия». Но серые крестьянские кафтаны не делали убедительнее передачу крестьянам будущими смотрителями улучшенных способов земледелия, напротив, смотрители по выходе из школы больше сами приспособлялись к существовавшему крестьянскому земледелию и крестьянскому быту.

Воспитывались крестьянские парни в духе церковной религиозности: им разрешалось читать только псалтырь и нравоучительные рассказы; даже басня Крылова и «Тарас Бульба» Гоголя давались с особого разрешения. Среди учеников всячески пропагандировались крепостнические взгляды, покорность перед помещиком, строгая исполнительность и подчинение распоряжениям. Невыполнение распоряжения, возражение и всякие ученические проступки карались телесным наказанием: устав разрешал наказывать учеников розгами, причем директор имел право наказывать до 100 ударов, помощник директора — до 50 ударов розгами. Гвардейские унтер-офицеры, наблюдавшие за поведением учащихся и руководившие их полевыми работами и ремеслами, вносили в школьную жизнь военную выправку и казарменную дисциплину, что напоминало практику военных поселений, когда за плугом ходили «тихим шагом», а молотью производили под команду капрала «по темпам».

После первого года существования Удельное училище получило поддержку и популяризацию полуофициальной, реакционной газеты Греча-Булгарина «Северная пчела». Сотрудник этой газеты В. П. Бурнашев поместил в «Северной пчеле» в 1834 г. (№ 257—263) восторженную статью об училище. Всячески расхваливая весь порядок в училище, вплоть до песен, которыми сопровождали ученики пахотные работы, Бурнашев заканчивал статью следующим призывом:

«Вот, господа русские помещики, вам пример — это заведение: изучайте, изучайте его вдоль и поперек, изучайте! Не ленитесь, и вы, конечно, учредите обществом у себя такие школы, подобные фермы, разумеется, на число людей в 20 раз меньше и в 10 раз менее стоящие, нежели то заведение, которое в пример вам учредил державный помещик».

Этот призыв остался неподхваченным, так как помещикам было не до школ, когда само существование их было под угрозой. Хвалебные отзывы об Удельном училище помещались и в других периодических изданиях: «Земледельческом журнале» Московского общества, «Земледельческой газете» и «Журнале общепользных сведений».

Первый год Удельного училища совпал с появлением во главе Министерства народного просвещения С. С. Уварова (1833 — 1849), выдвигавшего

нувшего теорию официальной народности с ее формулой: православие, самодержавие, народность — теорию, что русский народ по природе религиозен, хранит верноподданнические чувства и привержен крепостному строю. Реакционные публицисты, в том числе и Бурнашев, подхватили эту уваровскую теорию, стали всячески ее рекламировать и пропагандировать. Бурнашев, проповедовавший крепостнически-монархические взгляды в своих книгах для детей, нашел практическое осуществление уваровской теории в Удельном училище и старался показать это в своей книге об училище, изданной в 1839 г. «Вникая в дух воспитанников училища, — писал он, — соображая средства, употребляемые начальством для поддержания всего в должном порядке, беспрестанно более и более узнаешь доброе, прекрасное существо, известное под общим названием русского мужика, с которым должно только уметь обращаться, чтобы устремить его ко всему полезному, чтобы сделать из него все, что угодно. В училище проживете невидимым аргусом (столбиком стражем) сколько вам угодно времени, и вы ни разу не будете свидетелем ни ругательств, ни унижительных для человека побоев» [9 а]. Секретарь Московского общества сельского хозяйства С. Маслов, посетивший училище в 1835 и 1837 гг. писал: «В училище все без приказания стоят военной выправкой: ученики от нескольких унтер-офицеров, при них находящихся, переняли сами ходить в ногу. Вот в полной мере русская ферма русского образованного крестьянина, который умеет чигать, писать, знает закон божий, умеет практически снять план своей земли, умеет пахать плугом, умеет сам сделать и колеса, и телегу, и все земледельческие орудия, может сам подковать лошадь, доить корову и пр., а между тем он в крестьянском кафтане, ест из деревянной чашки и деревянную ложку; он не выведен из своего быта, не белоручка, а сам себе и господин, и работник... Можно сказать, что в Удельном училище практически решен весьма важный в государственном отношении вопрос, именно: как дать крестьянину приличное образование, не раздвигая его с родным бытом и с его крестьянской избою» [94 б].

Подобными рассуждениями Бурнашев и Маслов выражали пустые потуги официальных придворных кругов видеть в Удельном училище осуществление господствовавшего в их среде реакционного, квазипатриотического представления о русском народе. Русский крестьянин оказался далеко не таким, из которого можно было сделать, что угодно, как это хотелось Бурнашеву. Никчемной затеей была и попытка через Удельное училище примирить крестьянина с крепостным строем и примитивным бытом. Жизнь своими все увеличивавшимися крестьянскими восстаниями, а затем и кризисом крепостной системы отвергла эти пустые рассуждения и затеи официальных реакционных кругов.

Да и сам Бурнашев, этот «писачка», по определению В. Г. Белинского, через 30 с лишним лет не только отказался от своих восторженных отзывов об училище, но и дал училищу в своих воспоминаниях убийственно отрицательное описание, напоминающее описание бурсы Помяловским. По его словам, Удельное училище превзошло аракчеевские военные поселения и школы кантонистов системой лжи, очковтирательства, шарлотанства и телесных наказаний [106 б]. Как пример шарлотанства и очковтирательства Бурнашев приводит заранее заученные учениками ответы на вопросы посетителей училища, которые часто приезжали из Петербурга. На вопрос: «А что, ведь секут-таки вас, ребята, розгами?» Воспитанники отвечали с величайшим апломбом: «Воспитанник, заслу-

живший такое унижительное наказание, не был бы достоин быть нашим товарищем». На вопрос: «А что, хотелось бы в трактир сходить?» Следовал ответ: «Это только праздным и глупым людям может в голову прийти». Если же спрашивали у ученика, не хочется ли ему жениться, то он должен был отвечать: «Когда сделаюсь хорошим хозяином и сяду на усадьбе, то, конечно, женюсь с родительского и начальского благословения, так как без хозяйки невозможно».

Хотя эта характеристика Удельного училища, как своеобразной аракчеевщины, исходит от беспринципного «писачки», но в ней есть много правды, так как она дана непосредственным работником училища (с 1839 по 1842 г. Бурнашев был помощником Байкова, директора училища).

С падением крепостного права Удельное училище, не укрепив крепостной системы в удельных имениях, потеряло смысл и перестало существовать.

Незначительна была роль Удельного училища по улучшению управления удельных имений посредством смотрителей, которых выпускало училище. Московский проф. Киттар, сравнивая в 50-е годы жизнь удельных и казенных крестьян, находил лучшее состояние удельных крестьян и объяснял это не только лучшей системой управления удельными крестьянами, но и деятельностью Удельного училища, выпустившего за 10 лет к 1843 г. 157 воспитанников, устроивших 50 образцовых усадеб [90: 1858, № 11, 18].

В деле же развития сельскохозяйственных знаний Удельное училище не имело значения.

Появление в 20 — 30-е годы описанных сельскохозяйственных школ, в особенности развивавшейся Московской земледельческой школы, свидетельствовало, что сельскохозяйственные знания отвоёвывали себе самостоятельное место в особом специальном учебном заведении. Правда, сельскохозяйственные знания в это время еще не сложились в определенную научную систему; они еще формировались и преподносились под неопределенной теорией сельского домоводства или хлебопашества. В качестве же руководителей школ приходилось обращаться к таким дилетантам и карьеристам, как Бурнашев, а руководство полевыми работами поручать, как это было в Удельном училище, отставным нижним чинам, расценивая их не по знаниям, а по «испытанной честности и кроткому нраву».

Кроме удельного ведомства, ВЭО, Московского сельскохозяйственного общества (МОСХ) и частных лиц, сельскохозяйственным образованием занялось и Министерство народного просвещения, учрежденное вместе с другими министерствами в 1802 г., считавшее сферой своей деятельности все виды образования и включившее по уставу 1804 г., как уже сказано, в подведомственные ему университеты курс сельского домоводства.

О состоянии преподавания сельского хозяйства в русских университетах в первой трети XIX века до открытия Горыгорецкой земледельческой школы можно судить из следующего краткого обзора этого преподавания.

1. В Московском университете с приходом в него в 1820 г. М. Г. Павлова преподавание сельского хозяйства становится регулярным и содержательным. Судя по лекциям Павлова, вошедшим затем в его «Курс сельского хозяйства» (1837), следует признать, что эти лекции

охватывали, систематизировали и раскрывали главнейшие сельскохозяйственные проблемы на уровне тогдашней сельскохозяйственной науки. В плане лекций имелись два раздела: 1) хозяйствование с полем, растениеводством и скотоводством и 2) хозяйствование с домоводством и счетоводством [94; 1821 г., № 1, 59—60]. «Курс сельского хозяйства» Павлова состоял из пяти частей: 1) сведения из физики, химии, ботаники и зоологии; 2) земледелие, включающее в себе земледелие, земледобрение, земледельческие орудия; 3) разведение растений; 4) разведение животных и 5) организация хозяйства [10; 159]. Предисловие к «Курсу» Павлов заканчивал так: «Начало сельского хозяйства есть наука. Представить ее в современном состоянии, с возможными применениями в России — вот назначение издаваемого курса». Начиная свой курс с естествознания, лежащего в основе сельскохозяйственной науки, Павлов определяет эту науку как «приложение естественных наук к разведению полезных в общепитии растений и животных».

В «Курсе» пропагандировались гумусовая теория А. Тэера, севооборота, переход от трехполья к многополью и др. Но в то же время преподавание Павлова не только расходилось с составленным планом, но часто приобретало новое содержание. Происходило это потому, что, во-первых, сельское хозяйство для Павлова в университете было не основным предметом, а дополнительным к физике и минералогии, так что были годы, когда Павлов читал только физику, а сельское хозяйство — проф. зоолог А. Л. Ловецкий, тоже врач по образованию; во-вторых, Павлов по образованию математик, физик, врач и агроном, а по складу ума — философ, увлекавшийся современной ему натурфилософией Шеллинга, читал хотя и блестящие лекции, но больше философские, чем сельскохозяйственные [44 д; ч. II, 183—192].

А. И. Герцен, учившийся у Павлова в Московском университете в конце 20-х и начале 30-х годов, дает в «Былом и думах» [т. II, 191—192] выразительную характеристику лекциям Павлова. Он пишет: «Павлов преподавал введение к философии, вместо физики и сельского хозяйства. Физике у Павлова было мудрено научиться, сельскому хозяйству — невозможно, но его курсы были чрезвычайно полезны... Павлов излагал учение Шеллинга и Окена с такой ясностью, которую никогда не имел ни один натурфилософ».

Научиться у Павлова сельскому хозяйству, как пишет Герцен, действительно было невозможно, так как его лекции не сопровождались никакими практическими занятиями. Преемник Павлова по преподаванию сельского хозяйства в Московском университете проф. Я. Линовский писал, что Павлов был более мыслитель, чем хозяин, и что такой же характер носили его лекции в Земледельческой школе, так что ученики Павлова не отличили бы пшеницы от овса, если бы не староста школьного хутора в Бутырках, который давал ученикам больше знаний по сельскому хозяйству, чем Павлов [100 в; № 3, 16—38].

Лекции Павлова в университете были скорее лекциями не учителя, а популяризатора и пропагандиста необходимости и важности для России сельскохозяйственных знаний, к которым университетская молодежь в большинстве из дворян относилась с пренебрежением. О таком отношении к сельскохозяйственной науке Павлов несколько позже писал в своем журнале «Русский земледелец» (1838) следующее: «Недалеко то время, у всех оно еще в свежей памяти, когда заговорить о

хлебопашестве в собрании высшего общества казалось даже неприличным, предмет этот считался ниже образованного внимания большого света».

Популяризировал Павлов сельское хозяйство и в различных выступлениях в университете и в печати. Так, в 1824 г. на годовом акте Московского университета он произнес речь «О побудительных причинах совершенствовать сельское хозяйство в России преимущественно перед другими ветвями народной промышленности и о мерах, существенно к тому относящихся». «Естественно ли, что в России, — говорил он, — где находится столько различия в почве и климате, господствует один порядок в животноводстве? Улучшения, сделанные в новейшие времена некоторыми из мыслящих хозяев, так мало изменяют это однообразие, что это обширнейшее пространство земной поверхности, составляющее сцену русского хозяйства, представляется одним полем, обрабатываемым по одному плану... Все изменилось: одно сельское хозяйство остается в прежнем виде; в нем только дорожат старинною... Плодоперемная система, как надежнейшая к поддержанию сельского хозяйства, должна трехпольную заменить безусловно» [80; 207 — 214].

Павлов способствовал популяризации сельскохозяйственных знаний также и своей общественно-научной деятельностью вне университета и школы: читал публичные лекции по сельскому хозяйству; издавал журнал «Русский земледелец» (1838 — 1839) и литературный журнал «Атеней» (1828 — 1830) с приложением «Записок для сельских хозяев, заводчиков и фабрикантов»; сотрудничал в литературном журнале «Мнемозина», где также помещал статьи, связанные с сельским хозяйством. Заслуги Павлова в деле сельскохозяйственной науки, в особенности по составлению «Курса сельского хозяйства», были значительны и очевидны, так что в ноябре 1839 г. Министерство народного просвещения поручило ему приготовить при Московском университете 1. учебной ферме Земледельческой школы преподавателей агрономии для университетов и учебных округов.

Для этого потребовалось отобрать 14 способнейших студентов из университетов. После смерти Павлова в 1840 г. дело подготовки преподавателей-агрономов было передано проф. Петербургского университета С. М. Усову [17; 20].

2. В Петербургском университете (открыт в 1819 г. на базе педагогического института, основанного в 1804 г.) сельское хозяйство не преподавалось до конца 30-х годов. В 20-е же годы отдельные вопросы по сельскому хозяйству только затрагивал проф. физики Щеглов в своих лекциях по физике, химии, ботанике и минералогии. В 1828 году Щегловым было опубликовано сочинение «Хозяйственная ботаника, заключающая в себе описания и изображения полезных и вредных для человека растений», где описаны растения, употребляемые в пищу человеком, луговые, технические, врачебные и ядовитые как дикорастущие, так и способные культивироваться в России [19; 66]. Стало налаживаться преподавание сельского хозяйства в Петербургском университете с 1836 г., когда этот предмет вместе с лесоводством и счетоводством начал вести С. М. Усов (1796—1859) [44 ж; 171—172]. Окончив Петербургский университет по физико-математическому отделению, Усов, крестьянин по происхождению, затем специализировался по сельскому хозяйству и проявил в этой области разностороннюю научную и общественно-публицистическую деятельность,

издает впоследствии свои книги: «Курс земледелия» (1847) и «О системах хлебопашества» (1854). Свой курс земледелия Усов определял как земледельческую науку, которая учит правильно заниматься теми растениями, которые служат потребностям и доходу человека. Усов редактировал «Земледельческую газету» — орган Министерства государственных имуществ, издавал газету «Посредник», посвященную промышленности и сельскому хозяйству, читал публичные лекции по сельскому хозяйству в ВЭО, сотрудничал в журналах «Библиотека для чтения» и «Отечественные записки».

Усову при всей широте его деятельности не удалось по-настоящему поставить преподавание сельского хозяйства в Петербургском университете: его преподавание носило теоретический характер (кабинет по сельскому хозяйству открыт в 1848 г.).

3. В 20-е годы Виленский университет пытался учредить у себя особый институт сельского домоводства [17; 242 — 244]. По предложению проф. А. Очаповского был выработан в 1824 г. проект устава этого института и представлен на утверждение Министерства народного просвещения. Необходимость учреждения этого института мотивировалась тем, что «из всех способов к усовершенствованию в домоводстве самый удобный — практический», который поможет также поставить земледелие на «высочайшую степень совершенства».

Не дождавшись разрешения министерства, Виленский университет в 1824 г. передал проф. Очаповскому фольварк Свентики «для заведения образцового сельского домоводства и практического наставления обучающихся сему предмету».

Фольварк оказался неудачным по дальности расстояния (19 верст от Вильно). В 1827 году было приобретено другое имение — Замечки в пяти верстах от Вильно, назначен особый директор института и составлен новый проект института сельского хозяйства. Целью института по этому проекту ставилось: а) доставление студентам университета средств для практических занятий; б) подготовка администраторов и экономистов по сельскому хозяйству и в) производство опытов по сельскому хозяйству, лесоводству и технологии. В институте предполагались два отделения: высшее и низшее с четырехлетним сроком обучения. Проект, несмотря на поддержку попечителя учебного округа Новосильцева, не был утвержден, а в 1832 г. Виленский университет в связи с польским восстанием был закрыт.

4. Дерптский (ныне Тартуский) университет в 30-е годы сумел учредить у себя особое «Практическое учебное заведение сельского хозяйства» — так называемой Альткустгофский институт [44 а; 382—388].

В этом университете преобладали среди педагогов и студентов немцы, и преподавание сельского хозяйства, как и других предметов, велось на немецком языке.

Проф. Ф. Шмальцу, преподававшему в университете сельское хозяйство, удалось при поддержке министра народного просвещения К. А. Ливена (1828 — 1833), бывшего перед этим попечителем Дерптского университета, заарендовать у помещика Липгардта имение Альткустгоф и получить от министерства ассигнование в 5 тысяч рублей на ежегодные расходы по устройству при Дерптском университете образцового хозяйства и «Практического учебного заведения сельского хозяйства» для подготовки, между прочим, преподавателей-агрономов.

Советом Дерптского университета был выработан и утвержден устав этого учебного заведения с двухгодичным сроком обучения. В Альткустгофский институт принимались как студенты последних курсов Дерптского университета, так и окончившие этот университет и другие высшие учебные заведения. Занятиями в институте руководили преподаватели университета. Ф. Шмальц, он же и директор института, преподавал специальные предметы: земледелие, скотоводство, садоводство, лесоводство, сельскохозяйственное строительное искусство; Г. Шмальц, сын директора, управляющий хозяйством института, преподавал бухгалтерию, устройство хозяйства и торговую науку сельского хозяйства; адъюнкт-профессор П. Пелль — зоологию и физиологию домашних животных и заведывал садом; преподаватель Р. Э. Траутфеттер — ботанику. Изучались в институте и геометрия применительно к землемерию и русский язык.

Практические работы проводились на двенадцатипольном хозяйстве, где возделывались, кроме хлебных культур, разные сорта картофеля, сахарная свекла, кормовые травы и т. п. На полях испытывались удобрения и сельскохозяйственные машины. При хозяйстве имелся скотный двор и 200 овец, а также техническое учреждение по сахароварению и пивоварению. Руководил практикой управляющий именем Барк, окончивший Дерптский университет; обучение пахоте, севу, косье производилось приказчиками имения.

Альткустгофский институт был открыт при Дерптском университете в мае 1834 г. В первый же год по открытии в институт было командировано разными министерствами 8 человек: 4 — из лесного и горного институтов, а 4 — из окончивших Дерптский университет. Командированные получали по 1200 рублей в год и 300 рублей на учебные пособия. Из окончивших Дерптский университет и оставленных в институте при первом приеме были Б. Целлинский, Б. Михельсон и В. Краузе, ставшие впоследствии организаторами и преподавателями Горыгорецкого земледельческого института.

Просуществовал Альткустгофский институт 5 лет; за это время его окончило 42 человека. В апреле 1839 г. институт был закрыт, так как имение Альткустгоф перешло к другому владельцу, который не желал предоставить свое имение сельскохозяйственному учебному заведению. Кроме того, это «Практическое учебное заведение сельского хозяйства» оказалось слишком ограниченным по своей роли: все практические работы в институтском хозяйстве проходили в обстановке и в условиях помещичьего имения, заарендованного Шмальцем, лично больше заинтересованным в его доходности, чем в развитии сельского хозяйства и обучении студентов. Отрицательно отнесся к институту и попечитель Дерптского учебного округа Крафтштрем.

Когда министр народного просвещения Уваров в 1835 г. обратился ко всем попечителям учебных округов с предложением ввести преподавание сельского хозяйства в университетах, где его не было, а также открыть особые курсы агрономических и технических наук, Крафтштрем ответил министру: «Хотя при Дерптском университете и находится агрономическое заведение, под ведением проф. Шмальца, но сие заведение по устройству своему не может быть ни образцовым, ни поучительным для здешнего края. Частный человек при всем желании и способностях его не может без содействия правительства приносить для науки общественной пользы, особенно в той, где для опытов и

усовершенствования требуются значительные пожертвования» [17; 245—246].

Поэтому Крафтштрем просил Министерство реорганизовать институт в казенный агрономический, лесной и ветеринарный и предоставить институту казенное имение, о чем был представлен и преемник, выработанный Шмальцем. Просьба была отклонена из-за отсутствия казенного имения. К тому же в это время определилось уже открытие правительственной Земледельческой школы в казенном Горьгорецком имении Могилевской губернии.

Альткустгофский институт сыграл роль в истории сельскохозяйственного образования подготовкой агрономов-преподавателей и организацией учебно-практической стороны, оказавшей некоторое влияние на Горьгорецкую земледельческую школу.

5. В Харьковском университете в течение 40 лет (с 1804 по 1846 г.) сельское хозяйство, можно сказать, не преподавалось: 20 лет этот предмет преподавали как дополнительный к своему основному профессора физики, химии, математики, истории и даже греческого языка; 15 лет совершенно не было лекторов по сельскому хозяйству, а в течение 5 лет сельское хозяйство вместе с технологией и коммерцией преподавал приглашенный в 1811 г. из Берлина доктор философии немец К. К. Нельдехен [44 з; 198—199]. Он не знал русского языка и местных условий сельского хозяйства, читал лекции на немецком и французском языках по руководству Беклина и на первых же лекциях рассмешил немногочисленных слушателей предложением удобрять украинскую почву навозом.

При полной неподготовленности к чтению лекций по сельскому хозяйству в украинском университете Нельдехен вскоре совершенно перестал интересоваться учебным делом, занялся разными аферами, и университет в 1818 г. вынужден был от него избавиться.

Сельскохозяйственная дисциплина в Харьковском университете имела за указанный период единственное учебно-вспомогательное учреждение — кабинет, помещавшийся в маленькой комнате вместе с кабинетом технологии и заключавший в себе несколько образцов сельскохозяйственных машин. Только с 1846 г. с приходом магистра сельского хозяйства проф. В. А. Кочетова преподавание сельского хозяйства в Харьковском университете стало приобретать надлежащее значение среди других университетских предметов.

6. В Киевском университете (основан в 1833 г.) в качестве профессора сельского хозяйства подвизался немец Э. О. Мерц, упоминавшийся уже в связи с организацией Белорусского вольного экономического общества. Благодаря поддержке попечителя Киевского учебного округа Е. Ф. Бадке Мерц устроился в университете и преподавал в нем с 1835 по 1842 г. агрономию, агрокультуру (землепашество) и экономию — учение об управлении, как говорилось в официальном отчете [44 в; 126, 383—44 г; 146—147]. По воспоминаниям современников, Мерц на лекциях диктовал учебный материал по русской книге, по складам, со своеобразными монотонными ударениями, усыплявшими слушателей. На занятиях он с особой пунктуальностью следил за временем и прерывал лекцию при сигнале о конце ее на половине слова, а следующую лекцию начинал со второй половины этого слова, так что из двух его лекций о горохе, например, первая кончалась слогом «гор», а вторая начиналась глубоким вздохом «ох!».

В связи с новым положением об ученой степени для профессоров сельского хозяйства Мерц был разоблачен как авантюрист и самозванец и изгнан из университета. После Мерца сельское хозяйство преподавал проф. П. Якубовский, получивший степень магистра сельского хозяйства.

7. В Казанском университете (основан в 1804 г.) сельское хозяйство не преподавалось совершенно до 1841 г., когда прибыл из Дерпта для чтения лекций по этому предмету адъюнкт-профессор Альткустгофского сельскохозяйственного института П. Пелль, преподававший в Дерптском университете зоологию [1; № 464, 1839].

Приведенное описание состояния преподавания сельского хозяйства во всех русских университетах до 40-х годов XIX века показывает:

1. Лучшая постановка преподавания сельского хозяйства была в Московском и Дерптском университетах, при которых имелись учебные хозяйства. Проф. Московского университета Павлов, ведавший также Московской земледельческой школой с учебно-опытным хутором при ней, составил «Курс сельского хозяйства» — первый труд в сельскохозяйственной учебной литературе. В «Курсе» систематизируются тогдашние сельскохозяйственные знания, что оказывает влияние на последующие учебные курсы (Усова, Целлинского и др.). «Практическое учебное заведение сельского хозяйства» при Дерптском университете подготовило первых квалифицированных агрономов-педагогов.

2. Распространение сельскохозяйственных знаний через университеты успеха не имело потому, что курс сельского хозяйства среди всех других университетских наук был несамостоятельным, второстепенным предметом, в студенческих дипломах он не отмечался до 1846 года и популярностью среди студентов-дворян не пользовался. Первыми же агрономами были разночинцы: Самборский, Комов, Афонин, Павлов, Кочетов, Усов, Байков, Бурнашев и другие.

3. При университетах не было учебного хозяйства, необходимого для надлежащего практического преподавания агрономии, и преподавание поэтому носило узкотеретический, книжный характер; не было преподавателей с высшим сельскохозяйственным образованием (кроме Павлова и Усова), и к преподаванию привлекались такие авантюристы, как Мерц и Нельдехен, которые не только не развивали молодую науку, но разрушали и дискредитировали ее среди учащихся.

Безрезультатный опыт первой Петербургской практической школы земледелия, в которую насильно набирались крестьяне, крайняя ограниченность достижений Московской земледельческой школы по подготовке конторщиков и приказчиков и Красносельского удельного земледельческого училища по подготовке смотрителей общественных запашек, безуспешная деятельность университетов по распространению сельскохозяйственных знаний — все это свидетельствовало об оторванности тогдашних сельскохозяйственной науки и образования от непосредственных запросов и потребностей главного и основного труженика земли — крестьянина, нуждавшегося прежде всего в элементарной грамотности, а потом уже и в новых агротехнических знаниях.

Министерство же народного просвещения, взявшее на себя развитие и распространение сельскохозяйственных знаний через университеты, не заботилось не только о сельскохозяйственных знаниях среди крестьянства, но и об элементарной грамотности среди них. Да и какой же заботы о грамотности крестьян можно было ожидать от министерства,

если сам министр народного просвещения А. С. Шишков (министр с 1824 по 1833 г.) при своем вступлении в управление министерством заявил: «Обучать грамоте весь народ принесло бы более вреда, нежели пользы, наставлять земледельческого сына в риторике было бы готовить его быть худым и бесполезным, или еще вредным гражданином» [41; 50—51].

Крестьянская масса оставалась почти поголовно безграмотной. Начальное образование в тогдашней России почти не существовало. На 19 миллионов крестьян мужского пола в 1836 г. по Министерству народного просвещения числилась 661 начальная школа, т. е. одна школа на 21 тысячу крестьян мужского пола, да и эти школы были в городах, а не в селах.

Отрицательное отношение царского правительства к просвещению крестьян вызывалось боязнью распространения антикрепостнических, освободительных, революционных идей среди широких слоев населения. Этой боязнью вызван и рескрипт Николая I на имя министра А. Шишкова в 1827 г., определивший дальнейшую политику министерства в деле учреждения сословных школ [34; 208—209]. В рескрипте подчеркивался вред того, что «часто крепостные люди из дворовых и поселян обучаются в гимназиях и других высших учебных заведениях», внося дурные навыки в свою среду, и «приучаются к роду жизни, к образу мысли и понятия, несоответствующим их состоянию, и тягости крепостного состояния становятся для них несносными, и они нередко в унынии предаются пагубным мечтаниям или низким страстям».

Рескрипт предлагал закрепить за каждым сословием только определенные знания, недостатку которых «должно приписать своеволие мыслей, сию пагубную роскошь полупознаний, сей порыв в мечтательные крайности, коих начало есть порча нравов, а конец — гибель». Вскоре был запрещен прием крестьян в средние и высшие учебные заведения и была установлена сословность школы: приходская школа — для крестьян и мещан, уездное училище — для детей купцов, ремесленников, военных и других «городских обывателей», гимназия — преимущественно для дворян.

Но и заявление крепостника министра Шишкова о вреде грамоты для народа и крепостнический рескрипт Николая I, запрещавший прием крестьян в средние и высшие учебные заведения, были кратковременны и мало действенны. Крепостное хозяйство, в особенности со второй четверти XIX в., вступило в период разложения и упадка. Развивались возникшие еще раньше прогрессивные общественные и экономические силы: фабрично-заводская промышленность, техника, торговля — силы, подрывавшие крепостничество и получавшие все большее и большее значение в экономической и общественной жизни страны. Сельское хозяйство крепостной России вынуждено было считаться с этими силами и требовало, во-первых, обучения крестьян элементарной грамотности и основным новым агротехническим приемам, во-вторых, подготовки более квалифицированных и образованных специалистов по сельскому хозяйству, чем конторщики в помещичьих имениях, и подготовки их не в узковедомственной школе, а в школе общегосударственного масштаба.

Глава II

ОСНОВАНИЕ ГОРЫГОРЕЦКОЙ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

К

РЕСТЬЯНСКИЙ вопрос ввиду назревшего кризиса феодально-крепостной системы в царствование Николая I приобрел большое, серьезное политическое и хозяйственное значение и явился одним из факторов, вызвавших основание первой общегосударственной земледельческой школы.

В 20—30-е годы крестьяне находились в ведении: 1) Министерства финансов, которое руководило в это время не только финансовой, но и народно-хозяйственной, экономической политикой в области сельского хозяйства и промышленности и распоряжалось государственными крестьянами, проживавшими на государственной земле, отбывавшими казенные разные повинности и составлявшими около 40% всего земледельческого населения России; 2) Министерства внутренних дел, которому были подведомственны помещичьи крепостные крестьяне, перешедшие к этому министерству в 1802 г. по преемству от «Экспедиции государственного хозяйства» и 3) Министерства уделов, которое распоряжалось имениями, принадлежавшими царскому двору [21; 27—28].

Вся деятельность министерств финансов и внутренних дел в области сельского хозяйства в течение 35 лет, до учреждения Министерства государственных имуществ, заключалась главным образом в раздаче и продаже казенных земель дворянам, установлении опеки над разорившимися помещиками, переселении крестьян из малоземельных губерний в многоземельные, а также в борьбе с нараставшим массовым крестьянским движением за освобождение от крепостного гнета.

Николаевское правительство считало невыгодной практику раздачу и продажи земель и решило повысить доходность казенных имений, приспособить имения к новым капиталистическим условиям путем преобразования хозяйственной и правовой жизни крестьян, а вместе с этим дать и помещикам пример реформирования частных имений. Вопросами о положении крестьян, о повышении сельскохозяйственного производства занимался целый ряд специальных комитетов, организованных при Государственном совете в 1826, 1828, 1831 и 1835 гг.

Главным вопросом, занимавшим комитеты, было правовое и экономическое положение крестьян: «Какого удобрения, — писал один из видных членов этих комитетов М. М. Сперанский, — можно ожидать от бедного

крестьянина, который на тощей лошади худою сохою без уваживания не пашет, а едва бороздит землю, отсюда истощение почвы и урожай столь маловажный, что в других государствах они считались бы бедствием».

Выходом из такого бедственного положения члены комитетов считали улучшение хозяйственного уровня казенных крестьян.

«Одним из первых и надежнейших средств для улучшения состояния помещичьих крестьян было бы учреждение лучшего хозяйственного управления для крестьян казенных, — говорил М. Сперанский на заседании комитета 1826 года. — Такое управление, будучи и непосредственно полезно в отношении к поселянам, принадлежащим казне, послужило бы образцом для частных владельцев. Благоразумнейшие, видя порядок и довольство в казенных селениях, вскоре последуют примеру правительства; другие будут увлечены примером общим, а если найдутся между помещиками некоторые упорные и нерассудительные люди, то сие малое число легко уже будет принудить сообразовать свои поступки с действиями прочих, не прибегая ни к каким чрезвычайным и почему-либо опасным мерам» [49а; 182]. Под влиянием предложений, изложенных комитетом по крестьянскому вопросу, Министерство финансов предприняло шаги к распространению грамотности среди подведомственных ему государственных крестьян. Оно устроило в 1830 г. сначала в виде опыта волостные школы в Петербургской и Псковской губерниях для подготовки волостных и сельских писарей; школы были при церквях, а в качестве учителей были церковные служители. Затем подобные школы стали открываться и в других губерниях, но в малом числе, так что ревизия казенных имений (1836—1840) установила, например, что в Калужской губ. не было ни одного казенного сельского училища; в Курской губ. обучалось 324 подростка в одной школе из разных волостей; в Псковской губ. обучалось всего 322 мальчика; как единичное исключение была сельская школа в Рязанской губ., построенная и содержавшаяся разбогатевшим крестьянином, потом московским купцом Лариным [49а; 264—265].

Кроме того, под воздействием развивавшейся техники и фабрично-заводской промышленности Министерство финансов основало в ноябре 1828 г. в Петербурге практический Технологический институт для подготовки ученых мастеров, «имеющих достаточные теоретические и практические познания для управления фабриками и отдельными частями оных», а в июле 1830 г. так называемый Опекунский совет в Москве основал Ремесленное учебное заведение Московского воспитательного дома (впоследствии высшее техническое училище) для подготовки ремесленников и ученых мастеров с теоретическими сведениями. Это были первые гражданские средние технические учебные заведения, преследовавшие почти одни и те же задачи — подготовку ученых мастеров с помощью приблизительно одинаковых шестилетних учебных планов. Как в Петербургский технологический институт, так и в Московское ремесленное учебное заведение принимались дети купцов, мещан и цеховых в возрасте от 12 до 15 лет, умеющие читать и писать [38; 18—21].

Основание в Петербурге и Москве технических учебных заведений, предназначенных для развития фабрично-заводской отрасли народного хозяйства, естественно, напоминало о необходимости основания учебных заведений для развития сельского хозяйства. В то же время напомнила

об этом и сама жизнь, та социально-экономическая обстановка, которая сложилась в крепостной деревне в начале 30-х годов и которая вынуждала обратиться за помощью к науке, к сельскохозяйственной школе.

В 1830—1831 гг. в России разразилась страшная эпидемия холеры. В 1831 г. заболело холерой 466 тысяч человек, из них умерло 42%. Эпидемия и противохолерные полицейские меры тяжело отражались на экономике города и деревни. После холеры деревню постиг голод. В 1832—1834 гг. голод захватил Украину, Поволжье, Белоруссию (особенно Витебскую губ.), Приуралье, Бессарабию — всего 29 губерний с 14,5 млн. населения [62; 42].

К стихийному бедствию, постигшему деревню, — холере и голоду — в это время присоединились еще обстоятельства, внесшие осложнения в жизнь деревни и требовавшие квалифицированной помощи деревне: это обмен удельных имений на казенные, а также конфискация после восстания 1830—1831 гг. польских, так называемых старостинских, имений. Эти старостинские имения, которых насчитывалось 778, или отдавались в аренду помещику, или же переходили в казенное управление. Для этих имений требовались управители [79; 45—50].

Эпидемия холеры, голод, хозяйственная и правозовая неустроенность крестьян в имениях, полученных казенным управлением от удельного ведомства и в конфискованных старостинских имениях — все это при общей бесхозяйственности и беспорядочности в управлении имениями и при назревшем кризисе крепостной системы разоряло деревню, острее ставило вопрос о состоянии сельского хозяйства в деревне, вызывало волнение среди государственных и помещичьих крестьян, создавало напряженное положение в правительстве. Особенно остро переживался деревней хозяйственный кризис голодного 1833 г.

В сентябре этого года стали поступать из разных мест (Воронежской, Полтавской, Курской и других губерний) сведения о крестьянских восстаниях на почве голода. В правительственных и дворянско-помещичьих кругах как бы оживала тень Пугачева.

12 сентября 1833 г. Комитет министров постановил выдавать крестьянам в тех местах, где ожидалось волнения, продовольственные и ссудные деньги. Эта помощь голодающей деревне была мало действительна: она запаздывала и сопровождалась хищениями со стороны администрации. Николай I, у которого еще живы были воспоминания о декабристах и который перед этим заключил соглашение с Австрией и Пруссией (съезд 1833 г. в Мюнхенграце) о борьбе с революционным движением, прокатившимся на Западе в 1830 г., относился с большим опасением к известиям о крестьянских восстаниях и к решению Комитета министров приписал: «Все буйства укрощать не потворством, а наказуя виновных даже силою» [Игнатович И. И. Продовольственный вопрос в помещичьих имениях, 66—67].

После этого были изданы 19 и 21 сентября указы об усмирении крестьянских волнений военной силой.

В эти тревожные дни 29 сентября 1833 г. Николай I получил от президента ВЭО Н. С. Мордвинова специальную записку, касавшуюся состояния сельского хозяйства в России [106, а].

В записке обращалось внимание на важность для земледельческой России сельскохозяйственной науки и распространения сельскохозяйственных знаний и предлагалось учредить земледельческий институт как учебно-научное учреждение по сельскому хозяйству.

«Признано за непреложную истину,—писал в записке Мордвинов,—что начало богатства, а с оным и благосостояние народа возникают от плодов земледелия произражаемых, но изобилие и качество плодов зависят от степени просвещения и науки сельского хозяйства; сия же наука, полезнейшая в составе всех других, мало еще известна в России, ибо ни в одном из учебных заведений не преподается. От сего существенного при воспитании юношества недостатка государственных доходов остаются и донныне в скудном их состоянии... Крестьяне пахут, сеют, жнут, как пахали, сеяли, жали за сто лет тому назад. Парення везде существует, треть пахотной земли ежегодно остается бесплодной, жатва вообще едва ли приносит четыре зерна, вместо 15 и 20 при усовершенствованном хозяйстве; да и сии скудные зерна суть обыкновенно рожь, овес, гречиха малоценные и более истощающие землю, нежели уплождающие оную.

Не выведя из бедности земледельца, будет неминуемо беден городской житель, и сия бедность распространяется на все сословия народа».

Вместо старост и бурмистров, управлявших поместьями и не имевших понятия о севооборотах, о травосеянии, об усовершенствованных земледельческих орудиях, Мордвинов предлагает воспитать в России «особое сословие, занимающееся наукою усовершенствованного земледелия, из которого избираемы были бы управители искусные и опытные».

Далее Мордвинов просил отпускать Обществу ежегодно 78 тысяч рублей на различные агрономические мероприятия: учреждение земледельческого института, выписку из-за границы двух профессоров по сельскому хозяйству, командирование за границу 4-х студентов-естественников, на издание книг по сельскому хозяйству, на изготовление усовершенствованных земледельческих орудий и пособие помещикам, желающим обучить своих крестьян сельскому хозяйству. На последнее, между прочим, Мордвинов просил самую большую сумму (24 тысячи), имея в виду содержание 80 учеников (по 300 рублей на каждого) в школе Строгоновой и в Московской земледельческой школе. По мнению Мордвинова, испрашиваемая сумма немногим больше ежегодного содержания Петербургского ботанического сада, в котором собраны тропические растения, совершенно не связанные с развитием сельского хозяйства в России. «Стяжать богатство или вечно бороться со скудностью — с сем надлежит к разрешению вопрос,—заканчивал Мордвинов записку.—Благословляем будет Россию час разрешения сего вопроса; с оным возникнет благосостояние 40 млн. народа, живущего в селах и деревнях».

Записка Мордвинова сыграла большую роль в истории сельскохозяйственного образования в России. Это был впервые раздавшийся в правительственных кругах крепостной России голос о пользе агрономической науки, именно науки, а не тех узкотехнических знаний, которые под именем теории хлебопашества и сельского домоводства преподавались в то время в земледельческих школах и университетах.

Но пропагандируя сельскохозяйственную науку, Мордвинов, верный своим крепостническим взглядам, ни словом не обмолвился в записке о главном условии развития сельского хозяйства — о раскрепощении крестьян, что являлось вместе с тем первоочередным и важнейшим условием благосостояния крестьян.

Записка Мордвинова, выдвинувшая назревший для России вопрос о земледельческом институте и о более широком распространении научных сельскохозяйственных знаний, возможно, и осталась бы без внимания, но поданная правительству в сентябрьские дни 1833 г., когда правительство, боясь голодных крестьянских волнений, решалось на разные средства для предотвращения этих волнений, она возымела свое действие. Результаты же сказались не сразу, так как Мордвинову при-

шлось выдержать борьбу с министром финансов Е. Ф. Канкриным, к которому поступила записка.

В противоположность Мордвинову, новатору экономической мысли в области промышленности, транспорта и сельского хозяйства, Канкрин был выразителем консервативного течения в экономике, враждебно относился ко всяким нововведениям, особенно если нововведение требовало государственных расходов. Будучи настоящим Плюшкиным в личной жизни, Канкрин приемы копеечного скопидомства переносил и в государственную жизнь [77: 72]. В частности, Канкрин противился началу железнодорожного строительства, считая его «пустой затеей». К предложениям Мордвинова о распространении и развитии агрономической науки он отнесся отрицательно. Он считал, что обучение помещичьих крестьян сельскому хозяйству за счет правительства совершенно件 unnecessary, так как состоятельные помещики вводят у себя разные усовершенствования и без подготовки в школе, а менее состоятельные — не в силах улучшать свое сельское хозяйство и поэтому ни в какой школе не нуждаются. Такие мысли высказывал Канкрин 14 ноября 1833 г. в Комитете министров, где рассматривалась записка Мордвинова, и, таким образом, хотел, если и не отклонить совершенно проект Мордвинова, то ослабить впечатление от его записки и свести все дело к незначительному мероприятию — отпуску ежегодно ВЗО 20 000 руб. на изучение и улучшение сельского хозяйства.

Комитет министров не согласился с мнением Канкрина и учредил особый «Комитет об усовершенствовании земледелия в России», в который вошли 7 лиц: Н. С. Мордвинов — председатель комитета, Д. Н. Блудов — министр внутренних дел, Е. Ф. Канкрин — министр финансов, В. П. Кочубей — председатель комитета министров и Государственного Совета, члены Государственного Совета Д. В. Васильчиков, И. В. Васильчиков и К. А. Нарышкин [106, а]. Избранному Комитету было поручено открыть сельскохозяйственное учебное заведение с опытным участком в средней полосе России, а не около Петербурга, где почва и климат потребовали бы больших расходов и особых приемов в обработке земли и где уже имелось земледельческое удельное училище.

Комитет, составленный из высшей николаевской правительственной бюрократии, в своих мероприятиях по организации сельскохозяйственной школы, естественно, стал на защиту интересов помещиков и их хозяйств.

На первом же заседании (24 ноября 1833 г.) Комитет подробно остановился и на состоянии тогдашнего сельского хозяйства, и на мерах его улучшения, что нашло отражение в журнале заседания [1; № 148, 1838].

В северной и средней полосах России Комитет отметил, как господствующую систему хозяйства, трехполье, а в южной — перелог. И то и другое, по мнению Комитета, должно смениться улучшенными системами хозяйства. Проектировалось травосеяние, внесение удобрений, разведение картофеля, кукурузы, развитие скотоводства, совершенствование земледельческих орудий. Комитет предполагал, что инициатива в деле улучшения сельского хозяйства будет принадлежать помещикам, крестьяне же примутся за него не вдруг и не скоро, а по примеру помещиков.

«Первый приступ к усовершенствованию сельского хозяйства, — говорилось в журнале заседания, — должен состоять в возбуждении, елико возможно, в большем числе владельцев уверенности в необходимости

исправлений». Для этого было решено издавать земледельческую газету.

Главным вопросом Комитета было открытие земледельческой школы для образования «особого сословия, занимающегося наукою усовершенствованного земледелия». Мордвинов и другие члены Комитета предложили учредить несколько земледельческих школ, исходя из различных почвенных и климатических условий России. Предполагалось открыть пять земледельческих школ с опытными при них «запашками» при существующих учебных округах, которые, по мнению членов Комитета, соответствовали делению России на сельскохозяйственные полосы, а именно: при Петербургском учебном округе—для северной полосы, при Московском—для средней, при Киевском и Харьковском—для южной, при Белорусском—для западной и при Казанском—для восточной полосы России.

Помимо земледельческих школ, Мордвинов предложил открыть высший земледельческий институт близ Москвы, как находящейся в центре обширнейшей средней сельскохозяйственной полосы России. Для института предполагалось приспособить Московскую земледельческую школу.

Проект пяти земледельческих школ и земледельческого института, предложенный Мордвиновым, был, в сущности, первым планом сельскохозяйственного образования в России. Против этого плана в Комитете был Канкрин, который ссылаясь на отсутствие средств и руководителей для его осуществления. Он считал возможным открыть только одну земледельческую школу с низшим и высшим разрядами. Высший разряд и должен был явиться земледельческим институтом.

Финансовые соображения Канкрин оказались убедительными, и Комитет ограничился проектом одной земледельческой школы с двумя разрядами—высшим и низшим.

В результате решений, принятых Комитетом на первом заседании, стала выходить (с 1834 г.) два раза в неделю «Земледельческая газета», получившая под редакцией проф. С. М. Усова крепостническое направление. Вольному экономическому обществу было ассигновано по 20 тысяч ежегодно на популяризацию агрономических новшеств. На часть этих средств в 1834 г. Общество издало книгу профессора Дерптского университета Ф. Шмальца «Необходима ли наука сельского хозяйства?» Были предприняты меры по подысканию места для школы и преподавателей.

В поисках преподавателей для намечавшейся земледельческой школы и института Комитет обратился в Министерство народного просвещения, рассчитывая на выпускников университетов, изучавших сельское хозяйство. Министерство народного просвещения предложило Комитету воспользоваться для земледельческой школы оканчивающими открывшийся в 1834 г. Альткунстгофский институт и одновременно направило для ознакомления и заключения Комитета устав этого института. Комитет признал полезным учреждение Практического заведения, явившегося дополнением к университетскому курсу агрономии, и решил воспользоваться подготовкой в ней преподавателей для земледельческой школы, но в то же время отказался рассматривать и обсуждать учебно-хозяйственное устройство этого заведения, так как Комитет сам открывал земледельческую школу, самостоятельную, отдельную от университета, не в остзейских губерниях, а в России, не в частновладельческом, а в казенном имении и поэтому школу по устройству своему

отличную от Практического учебного заведения при Дерптском университете [17; 9—10].

Более трудным вопросом, ставшим перед Комитетом об усовершенствовании земледелия, было подыскание места для земледельческой школы. Это дело было поручено Канкрину, причем в Комитете выражалось пожелание открыть школу в сельскохозяйственной обстановке, вблизи большого города, чтобы использовать городские культурные силы для школы.

В декабре 1833 г., начав дело «О приискании удобного казенного или конфискованного имения, или оброчной статьи для устройства земледельческой школы с опытной запашкой» [1; из фонда строительной комиссии Министерства финансов, 1833], Канкрин предложил директору департамента государственных имуществ дать свои соображения о месте, удобном для земледельческой школы. Директор ограничился присылкой списка казенных имений в разных губерниях. В начале 1834 г. Канкрин запросил губернаторов центральной России (Москва, Тула), Поволжья (Казань, Нижний Новгород), Украины (Киев, Харьков, Полтава, Чернигов) и Белоруссии (Витебск, Могилев), нет ли в подведомственной им губернии имения, подходящего для земледельческой школы, причем указывал, что желательно имение в 400—600 десятин в небогатой местности и вблизи большого города.

Только один черниговский губернатор указал на подходящее место для школы: на оброчную статью в посаде Деменке, Новозыбковского уезда, по р. Ипуть. При этом он просил открыть школу именно в Черниговской губернии, так как местные дворяне и помещики признают неисчислимую пользу школы, «ибо земледелие здесь упало до невероятности от того, что нет перед глазами, так сказать, живого образца для сей главнейшей части сельского хозяйства». Московский губернатор указывал как на подходящее место для школы Петровско-Разумовское имение размером в 700 десятин, в том числе 200 десятин леса, принадлежавшее Шульцу, который, получая с него более 30 тысяч рублей ежегодного дохода, просил за имение 500 тысяч рублей. Таким образом, впервые было указано то место, на котором впоследствии через 30 лет была открыта земледельческая академия. Из остальных мест на вопрос Канкрин поступили или отрицательные ответы (Казань, Нижний Новгород, Харьков, Полтава), или же были присланы только планы имений с их описью (Киев, Тула, Витебск, Могилев). При этом харьковский губернатор написал, что «в казенных имуществях потребного помещения со всеми нужными удобствами не оказывается». Витебский же губернатор, возглавлявший Белорусское ВЭО, добивавшееся, как отмечено выше, в 1829 г. у себя собственной земледельческой школы, ни словом не обмолвился о желательности школы для Белоруссии.

Из канцелярского подыскания места для школы, предпринятого Канкриним, Комитет не сделал никаких выводов.

Канцелярско-бюрократическая волокита, из-за которой дело со школой задержалось на весь 1834 г., беспокоила Мордвинова, считавшего дело срочным и неотложным. В начале 1835 года Мордвинов обратился к правительству с проектом особого манифеста о введении в России усовершенствованного земледелия, чтобы «породить всеобщее рвение» к улучшению земледелия и других сторон сельского хозяйства [архивные материалы Мордвинова, 170—174]. В проекте он предлагал учредить специальный земледельческий департамент, который должен

будет позаботиться о подготовке в России «особого сословия, занимающегося наукою усовершенствованного земледелия», открыть «земледельческие кафедры во всех учебных заведениях, военных, гражданских и духовных».

Хотя обращение Мордвинова с проектом манифеста и заставило Канкринна несколько больше заняться земледельческой школой, но ускорили и направили решение вопроса о земледельческой школе, о месте для нее политические события, связанные с польским восстанием 1830—31 гг.

Польское восстание, захватившее Белоруссию и Правобережную Украину, привлекло особое внимание правительства к состоянию образования в этих краях.

После воссоединения с Россией в XVIII веке Белоруссия и Правобережная Украина стали местом острой национальной борьбы: польские националисты, мечтая о восстановлении Польши в прежних границах, всячески старались ополячивать белорусов, украинцев и русских. Это особенно сказывалось в области школьного образования, которое находилось по университетскому уставу 1804 г. в ведении Виленского университета, состоявшего из польских профессоров и преподавателей. Виленский университет ведал учебными заведениями Виленского учебного округа, в который входили губернии: Виленская, Гродненская, Минская, Витебская, Могилевская, Киевская, Волынская и Подольская.

Кроме Виленского университета, Правобережную Украину обслуживал Кременецкий (Волынский) лицей, многие профессора которого были лучше виленских [105, б; 273].

Политика ополячивания вызвала противодействие еще у правительства Александра I, когда из Виленского учебного округа были изъяты Киевская, Могилевская и Витебская губернии с присоединением Киевской губернии к Харьковскому учебному округу (1818), а белорусские, Могилевская и Витебская губернии, — к Петербургскому учебному округу (1825). Более решительное противодействие ополячиванию оказало правительство Николая I: после ревизии в 1826 г. проф. Сенковским белорусских училищ было запрещено католическому духовенству возглавлять школы [88; 1872 г. № V], а в 1829 г. был учрежден Белорусский учебный округ с попечителем Г. И. Карташевским, выдающимся педагогом и математиком.

С учреждением Белорусского учебного округа, естественно, встал вопрос о высшем учебном заведении, которое должно было по положению руководить учебной жизнью Белорусского округа. Предполагалось открыть в Белоруссии «высшее училище, в коем тамошнее юношество может получать окончательное образование, не имея надобности отправляться для того ни в отдаленные русские университеты, ни в Виленский» [40; т. II, № 116]. Так заявил Карташевский после ознакомления со школами округа. И, таким образом, в 1829 г. впервые была высказана мысль о высшей школе для Белоруссии.

Однако мысль эта не нашла своего воплощения из-за новых обстоятельств, вызванных польским восстанием 1830—1831 гг. При ликвидации восстания были закрыты Кременецкий (Волынский) лицей и Виленский университет, а вместе с последним — и Виленский учебный округ, школы которого перешли в ведение Белорусского учебного округа. При закрытии Виленского университета и Виленского учебного округа (1 мая 1832 г.) вновь была подтверждена мысль об учреждении в Белоруссии высшего учебного заведения или лицея в г. Орша, Могилев-

ской губернии, где для этого можно было приспособить закрытые монастыри и где должен был находиться попечитель Белорусского учебного округа [40; т. II, № 116]. Но одновременно возник вопрос об управлении школами Правобережной Украины, и вскоре (14.XII 1832 г.) был учрежден Киевский учебный округ с включением в него Правобережной Украины и Черниговской губ. После учреждения Киевского учебного округа стал вопрос и о высшей школе для него — об университете в Киеве, как торгово-промышленном и административном украинском центре, куда было перевезено оборудование закрытого Кременецкого лицея. У Орши этих преимуществ не было, и ей пришлось уступить Киеву: университет был учрежден 8 ноября 1833 г. в Киеве. По воспоминаниям попечителя Киевского учебного округа Е. Ф. Брадке, бороться за открытие университета в Киеве не пришлось, так как попечитель Белорусского учебного округа Г. И. Карташевский оказался уступчивым и нерешительным и интересов Белоруссии на высшую школу никто не защищал [105, б; 275].

Правительственный указ 28 февраля 1834 г. давал следующее объяснение открытию университета в Киеве и отказа от высшей школы в Белоруссии.

«Признав необходимым преобразовать во всех возвращенных от Польши губерниях учебную часть, согласно с истинными пользами того края, мы предполагали устроить для Белорусского учебного округа высшее учебное заведение в Орше, которое со временем, получив более развития, могло бы заменить и упраздненный Виленский университет... Между тем Волынский лицей был переведен из Кременца в Киев... С другой стороны, оказалось, что возведение здания для лицея в Орше по открывшимся в сем городе неудобствам не может быть исполнено с желаемым успехом; что вообще устройство высшего учебного заведения в Белорусском округе потребовало бы при всех издержках долгого времени, тогда как во вновь учрежденном университете св. Владимира все нужнейшие курсы будут открыты в текущем году, что сей университет при усиленных способах может заменить оба лицея, прежде предполагавшиеся в Киеве и Орше, что Киев, центр торговли и промышленности окрестной страны, должен по всем сим причинам служить и средоточием учебной системы всех западных губерний для окончательного образования молодых людей, приготовленных к тому в гимназиях Киевского и Белорусского округов [44-в; 60], [40; т. II, № 255].

Но, разумеется, по своей отдаленности Киеву трудно было стать средоточием учащейся молодежи Белоруссии.

Под влиянием правительственных мероприятий по проектированию и устройству учебно-образовательных центров на Украине и в Белоруссии, а также под влиянием потребности в управителях конфискованных старостинских имений (о чем сказано выше) Комитет об усовершенствовании земледелия обратился к Киевской и Могилевской губерниям в поисках места для земледельческой школы.

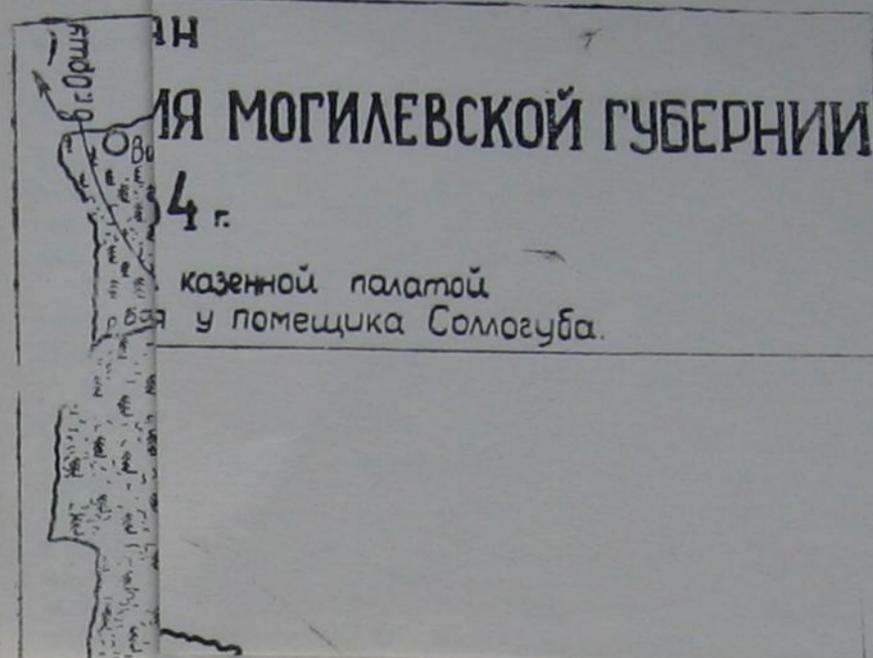
Летом 1835 г. в названные губернии были командированы Министерством финансов министерский агроном Р. Штейгер и чиновник А. Завадовский для обследования казенных имений и возможности их приспособления для земледельческой школы. В инструкции, данной командированным, было сказано, что «учреждение земледельческой школы полагается в губернии Могилевской и Киевской, предпочтительно в первой, в том уважении, что она будет сближена с губерниями Белорусскими, Смоленскою, Черниговскою, где особенно нужно усовершенствовать хлебопашество, а также неслишком далека от Полтавской». При этом предлагалось «обратить особое внимание на казенные имения Горыгорецкое и Быховское, если нельзя приспособить другого близ самого Могилева» и изучить почву имений, которая должна быть подходящей для применения улучшенных способов хозяйства. Кроме инструкции, командированные получили планы имений, а также примерное Положе-

ние о земледельческой школе, в которой проектировались два класса: высший—«свободных агрономов» и низший—для крестьян с допущением в него евреев [1; фонд строительной комиссии Министерства финансов, 1833, об учреждении земледельческих школ].

Таким образом, командированные получили довольно ясное указание на предполагаемое учреждение земледельческой школы в Могилевской губернии и именно в казенном Горыгорецком имении, значительная часть которого была в Оршанском уезде. Так впервые было названо Горыгорецкое имение, как место проектируемой земледельческой школы. Названное имение в это время было одним из самых крупных казенных имений Белоруссии: с двумя местечками—Горы и Горки (отсюда и название Горыгорецкий), 18 фольварками, 108 деревнями и крупнейшей в Белоруссии полотняной фабрикой [1; ф., мин. финансов, дело № 8159, 1829 г. «Об обращении в собственность казны Горыгорецкого имения», ч. I и II], (см. карту имения).

В то же время это было имение крайне неблагоустроенное в хозяйственно-экономическом отношении: крестьяне имения были доведены до обнищания войной 1812 г. и хищническим хозяйничаньем помещиков Соллогубов. Канкрин познакомился с Горыгорецким имением еще в войну 1812 г., когда он, будучи генерал-интендантом 1-й армии и проживая при штабе в Могилеве, Орше и Шклове, заключил с молодым владельцем имения Л. Соллогубом и его опекуном Неплюевым контракт на поставку армии сухарей, дал им аванс в 173 416 рублей и получил в виде гарантии поставки 20 крепостных музыкантов из имения. Но так как имение в начале войны было разорено военными переходами, то о законтрактованных сухарях не могло быть и речи, полученных же тысяч Соллогуб не вернул. Когда Канкрин стал министром (1823), он снова встретился с Л. Соллогубом, как неоплатным должником государственных средств. Соллогубу удалось заложить свое имение в банк за 2 миллиона рублей, но выпутаться из государственных и частных долгов, выросших до 4,5 миллионов рублей, он не мог. Видя это, Канкрин отстранил Соллогуба от управления имением, а имение назначил частью к продаже для уплаты долгов, а частью в государственную опеку. Но Соллогуб, пользовавшийся еще некоторым доверием в политических кругах Александра I, добился нового опекунства над имением в лице своего ставленника помещика Ситникова. Ситников стал сам прикарманивать доходы с имения и еще больше запутал денежные дела, так что Канкрин с санкции Николая I конфисковал имение в январе 1829 г. с аннулированием всех долгов по имению. Имение приняла Могилевская казенная палата. Вместо проворовавшегося помещичьего управляющего, был назначен управляющим соседний помещик Станкевич. От перехода к казне состояние имения не улучшилось. Министерство финансов не сумело упорядочить хозяйство имения и не нашло ничего лучшего, как или продать, или заарендовать его, и в течение 5 лет (1831—1836) искало или покупателя, или арендатора. Ни тот, ни другой по предложенной цене в 138 тысяч рублей не нашелся из-за полной бесхозяйственности имения и крайней нищеты его крестьян.

Могилевский губернатор Врангель, ведавший казенными имениями губерний, объяснял, что имение не арендуется по той причине, что арендатор должен содержать нищих крестьян и дать залог, равный двукратному доходу. Управляющий имением Станкевич также объяснял отсутствие охотников заарендовать имение тем, что имение доведено до

неимоверного беспорядка и что крестьяне, среди которых очень много бобылей без всякого хозяйства, доведены до крайней бедности [1: ф. мин. фин. № 8159, 1829 г.].

Безхозяйственность и крайняя нищета крестьян Горыгорецкого казенного имения были характерны и для других казенных имений, з особенностями старостинских, где крестьяне разорялись податями, повинностями, чиновничьими хищениями и поборами не менее, чем у помещиков.

В Горыгорецкое имение для обследования его пригодности под спроектированную земледельческую школу прибыли командированные Министерством финансов агроном Штейгер и чиновник Завадовский.

Кроме Горыгорецкого имения, они посетили в июне-июле 1835 г. еще 4 имения Могилевской губ.: Старобыховское, конфискованное у князя Е. Сапеги, Барсуки—архиерейское имение, Бышляки—имение помещика Станкевича (он же и управляющий Горыгорецким имением) и понезуитское имение Фашевку. После осмотра имений они написали в Петербург, что выбор их остановился на Горыгорецком имении, как на наиболее подходящем для школы из всех имений Могилевской губ. Могилевский же губернатор Врангель, ознакомившись с мнением Завадовского и Штейгера, написал Канкрину о преимуществе для школы архиерейского имения, как находящегося вблизи Могилева и, естественно, более доступного его наблюдению, чем отдаленное Горыгорецкое имение. Кроме того, он отмечал, что в случае перехода Горыгорецкого имения под школу, крестьяне могут поднять, выражаясь его же словами, «ропот из-за невежества крестьян или неблагоустроенных внутренних» по поводу облегчения положения крестьян в части имения, отходящей школе. Так могилевский губернатор разрешал вопрос о месте для школы со своей губернаторско-полицейской точки зрения.

В августе-сентябре Завадовский и Штейгер осмотрели также пять киевских имений: Таулиху (бывшее имение Бржезинского в Звенигородском уезде), Умань (бывшее имение А. Потоцкого), Белиловку (бывшее имение Г. Потоцкого), Димерское староство Киевского уезда и староство Рожев (бывшее польское казенное имение Радомысльского уезда). Наиболее удобными для школы они нашли Белиловку и Рожев. Но кратко их описав, заключили, что «Киевская губерния мало нуждается в примерном улучшенном хозяйстве на неблагодарной почве и что цель устройства земледельческой школы скорее будет достигнута в Могилевской губ., нежели в Киевской». Киевский губернатор Левашов, год назад ограничившийся присылкой на запрос Канкрину только планов киевских имений, узнав об этом отзыве, теперь доказывал особым сообщением, что земледельческая школа нужна именно в Киевской губ. вследствие склонности киевских помещиков к хозяйственным улучшениям, и просил разрешения на устройство в Киеве сельскохозяйственного общества с передачей ему какого-либо казенного имения по примеру Белорусского общества. Канкрин ответил, что агрономическое образование в Киевской губ. может быть достигнуто учреждением кафедры агрономии при университете и что, хотя сельскохозяйственное общество полезно, но ему нельзя поручить организацию школы. Таким образом, просьба об открытии земледельческой школы в Киевской губ. была отклонена.

12 октября 1835 г. Завадовский и Штейгер представили в Петербурге подробные отчеты о результатах обследования имений в Могилевской губ.

левской и Киевской губерниях, причем Завадовский касался, главным образом, экономически-бытовой стороны имения, а Штейгер—почвенно-агрономической [1; ф. стр. комиссии мин. фин., 1833 г., Об учреждении зем. школы]. В отчетах они только вскользь упоминали обо всех, кроме Горыгорецкого, осмотренных имениях, как неподходящих для школы по почве, размеру и служебным постройкам. Исключительное внимание в стчетах уделено Горыгорецкому имению, как наиболее подходящему для земледельческой школы из всего осмотренного по своему устройству, управлению и внешнему виду некоторых фольварочных построек. В отчетах описаны почва имения (по преимуществу суглинок, смешанный с песком), как подходящая для различных культур, распределение угодий (полей, лесов, рек), состояние фольварков, наличие строительного материала и т. п. Отчеты заканчивались указанием на настоятельную необходимость земледельческой школы в Белоруссии для улучшения крайне бедственной жизни крестьянства и для усовершенствования сельскохозяйственных работ на скудной белорусской земле.

Заключения Завадовского и Штейгера явились для Комитета об усовершенствовании земледелия решающими в выборе места для земледельческой школы.

23 октября 1835 г. Канкрин запросил управляющего Горыгорецким имением Станкевича о местных ценах на материалы, ссылаясь на возможность открытия земледельческой школы в имении. Началась переписка столицы с имением о строительных материалах, сметах, рабочих и т. п. Первоначально Канкрин предполагал в целях экономии средств возвести для школы деревянные постройки, но недостаточность строевого леса вынудила перейти на составление смет по строительству каменных зданий, что предлагали Завадовский и Штейгер. В то же время в министерстве составлялось Положение о земледельческой школе и ее штате.

Остановив свой выбор на Горыгорецком имении, составив проект и план устройства школы, смету в 550 тысяч рублей (с оговоркой о возможности и 700 тысяч рублей), составив также Положение и штат земледельческой школы, Канкрин 11 апреля 1836 г. представил об этом докладную записку в «Комитет об усовершенствовании земледелия» [1; ф. мин. финансов, № 117—69, 1837 г.].

В докладной записке указывалось, что, во-первых, правительство обратило особое внимание на белорусский край вследствие его неблагоприятного положения, в частности, на хозяйственную неурядица в краю казенных и старостинских имений и на недостаточность учебных заведений при лишении края высшей школы; во-вторых, по устройству и по пригодности для земледельческой школы из всех казенных имений самое лучшее и подходящее—это Горыгорецкое имение, Могилевской губернии; в-третьих, Горыгорецкое имение удобно для земледельческой школы своими большими размерами, позволяющими устроить при школе «образцовую запашку» на большом участке, чтобы показать на «запашке» разные виды хозяйства. «При сей запашке,—говорилось в записке,—должно состоять значительное число крестьян вроде помещичьих, на работу приходящих, для отклонения справедливого или, по крайней мере, увлекательного возражения, что вольными наемными рабочими легко достигнуть того, что невозможно при обыкновенном способе крестьянских работ у помещиков».

Последний мотив избрания Горыгорецкого имения для земледельческой школы, одобренный членами Комитета, говорил о явно крепостни-

ческой позиции Канкрин и всего Комитета, имевшего в виду организацией земледельческой школы удовлетворить интересы и запросы крупных помещиков и предполагавшего использовать школу для поддержки крепостного строя.

Жизнь в дальнейшем опровергла и эти взгляды, и эти предположения.

Доклад Канкрин подвергся обсуждению в Комитете, все члены которого—Мордвинов, Блудов, Нарышкин и оба Васильчиковы—согласились с основными мотивами, выдвинутыми Канкриним, и одобрили предложенный им проект и план устройства земледельческой школы в Горыгорецком имении.

Так было исполнено Комитетом главное поручение, данное ему Комитетом министров, — открыть в средней полосе России сельскохозяйственное учебное заведение с опытным участком. Работа Комитета об усовершенствовании земледелия на этом и закончилась.

24 апреля 1836 г. были утверждены решение Комитета об открытии Горыгорецкой земледельческой школы (см. Указ сенату), а также Положение и штат этой школы с годовой сметой в 135 тысяч рублей (в рублях до девальвации 1839 г., после девальвации 38,5 тысяч рублей).

Но одновременно с учреждением Горыгорецкой земледельческой школы правительство предпринимало меры по укреплению и Московской земледельческой школы, как находившейся в центре России и содержавшейся за счет и по уставу МОСХ. В 1835 г. правительством был утвержден штат Московской школы с ассигнованием на нее ежегодно 44 тысячи рублей. Вместе с этим МОСХ получило от правительства единовременное пособие в 210 тысяч рублей с повышением прав учителей школы [23; 10]. На дело сельскохозяйственного образования в это же время получило правительственную субсидию и Петербургское вольное экономическое общество: с 1837 г. в течение 4 лет оно получало по 10 тысяч рублей ежегодно на содержание учеников в школе Строгоновой.

Таким образом, основание земледельческой школы в Горыгорецком имении, Могилевской губ., было вызвано, во-первых, ухудшением экономики в казенной и помещичьей деревне начала 30-х годов (эпидемии, голод, неурядица старостинских имений и др.), что обострило кризис крепостной системы и вызвало спешные правительственные мероприятия по упорядочению сельского хозяйства и, в частности, учреждение специального Комитета об усовершенствовании земледелия в России и, во-вторых, решением данного Комитета, который обследовал многие места Украины и Белоруссии со стороны хозяйственной, почвенно-климатической, и остановил свой выбор на Горыгорецком имении, Могилевской губ., как на наиболее отвечающем требованиям для земледельческой школы.

Положение Горыгорецкой земледельческой школы (ГЗШ) 1836 года, явившееся первым законом по сельскохозяйственному образованию, было опубликовано в Собрании законов (т. XI, № 9097), [23; 1—9].

Общая направленность Положения ГЗШ определялась политикой царского правительства начала 30-х гг. и крепостническими взглядами авторов Положения: Н. Мордвинова, Е. Канкрин, Д. Блудова, Р. Штейгера, стремившихся путем приспособления сельскохозяйственных новшеств и знаний к крепостному строю создать в ГЗШ образцовое хозяйство для казенного и помещичьего имения и тем поддержать этот строй, находившийся в состоянии глубокого кризиса. На отдель-

вые пункты Положения ГЗШ оказала влияние также политика Министерства народного просвещения, претендовавшего на руководство техническим и сельскохозяйственным образованием в связи с появлением в разных ведомствах технических учебных заведений, как Петербургский технологический институт, Московское ремесленное училище и открывавшаяся ГЗШ. «Министерство, — писал в это время министр народного просвещения С. С. Уваров, — не могло и не желало оставить без удовлетворения обнаружившееся повсеместно общее стремление к промышленности. В число задач, решение которых подлежало его попечительности, оно включило решение вопроса о приспособлении главнейших начал наук общих к техническим потребностям ремесленной, фабричной и земледельческой промышленности» [43; 209].

Решение названного здесь Уваровым вопроса было поручено Комитету, в который входили М. С. Сперанский, С. С. Уваров и министр внутренних дел Д. Блудов. Комитет нашел, что в технических или, как они тогда назывались, «реальных» школах не соблюдался установленный Министерством народного просвещения принцип сословности, что проявлялось в отсутствии деления классов в этих учебных заведениях на разряды, низший и высший, и в разрешении приема крестьян в некоторые технические учебные заведения, так что крепостные могли обучаться в них и высшим наукам, тогда как для них могли быть доступны только низшие школы. Считая, что расширение знаний крестьян может повести «к отчаянной предприимчивости разорвать тяготеющие узы», Комитет решил «поручить повсеместному и строгому наблюдению», чтобы «реальные» училища были разделены на разряды с допущением крепостных только в низший разряд и чтобы исключить из «реальных» училищ, куда принимаются крепостные, преподавание всего того, что не относится к низшему образованию [34; 210—217].

В соответствии с решением Комитета в 1837 г. последовал правительственный указ о том, «чтобы в училищах, так называемых реальных, круг наук словесных был приведен в меру училищ приходских и уездных, с исключением всего, что принадлежит к кругу училищ высших и средних и не относится прямо и непосредственно к наукам техническим». Выполняя этот указ, МНП исключило из предметов преподавания в подведомственной ему школе земледелия, принадлежавшей Строгоновой, географию, физику и иностранный язык, так как, по мнению ревизора этой школы Буяковского, «вредное влияние этих предметов обучения на умы воспитанников крепостного состояния слишком очевидно» [34; 215].

Как принцип деления классов технических школ по сословности на разряды, так и построение учебных планов по разрядам нашло отражение в Положении ГЗШ. Оно состоит из 5 глав: 1) положения общие, 2) учебный порядок, 3) внутреннее управление школы, 4) управление причисленным к земледельческой школе казенным имением и 5) устройство образцовой запашки. К Положению прикладывался и штат ГЗШ.

Административно-учебную и хозяйственную стороны ГЗШ Положение устраивало в следующем виде.

Находилась ГЗШ в непосредственном ведении министра финансов (§ 18) и управлялась Конторой — административным органом самой школы и шкельного имения. Название Контора было взято по примеру казенных и помещичьих имений, во главе которых также были конторы.

Контора состояла из директора, профессора агрономии и главного

надзирателя. Директор школы наблюдал, чтобы учащиеся воспитывались «в истинных правилах гражданской жизни, чтобы образовать их характер и сердце соответственно их назначению» (§ 30). Профессор агрономии был в то же время инспектором и следил за успеваемостью учащихся. Третий член Конторы — главный надзиратель — был полицейской властью как в школе, так и в школьном имении (§ 33), он следил за порядком в школе и имении и за поведением учащихся. При Конторе не полагалось учебно-научного коллегиального органа в виде совета или совещания, хотя по штату ГЗШ полагалось 9 педагогов (профессор, 2 адъюнкт-профессора, 4 учителя по грамматике, арифметике и чистописанию, геодезист и законоучитель), а также 3 межжевщика для обучения практическому межеванию и рисованию.

Школа делилась на два разряда: первый — младший и второй — старший. Младший разряд предназначался для подготовки «земледельческих учеников», которые могли бы выполнять составленный другими план улучшенного сельского хозяйства. Старший разряд должен был готовить практических агрономов, умеющих «управлять значительными имениями с введением улучшенного хозяйства по собственному их плану» (§ 3).

Прием объявлялся только в первый разряд. Принимались подростки от 16 до 20 лет разных сословий: дворян, духовных лиц, купцов, мещан и крестьян казенных и помещичьих. От поступающих требовались самые элементарные сведения: умение читать и писать и знание четырех действий арифметики (§ 12), т. е. те знания, которые должны были иметь оканчивавшие тогдашнюю начальную школу.

В течение трех лет обучения в первом разряде учащиеся должны были изучать подготовительные и специальные сельскохозяйственные предметы и выполнять практические работы. Из подготовительных предметов изучались только грамматика и закон божий и велись упражнения в простом сочинении (§ 21); исключены были из первого разряда не только география и история, но и арифметика, так что учащиеся оставались в области общеобразовательных предметов на уровне знаний начальной школы, что соответствовало требованию МНП обучать крестьян, которые могли учиться в первом разряде общеобразовательным предметам только в объеме начальной школы. Изучались еще рисование и планиметрия, но применительно к практическим требованиям: для выполнения землемерских и архитектурных планов и для межевания и нивелировки.

Специальные сельскохозяйственные знания учащимся первого разряда должны были даваться элементарно-технического характера. Главное внимание уделялось земледелию, а затем «необходимым предварительным познаниям» разных отраслей сельского хозяйства: скотоводства, лесоводства, садоводства, огородничества, овцеводства, пчеловодства, конского завода, винокурения (§ 21). Подчеркивая, что в первом разряде должны даваться общие, предварительные понятия о перечисленных специальностях, Положение имело в виду образование техников-энциклопедистов, которые могли бы обслуживать казенные или помещичьи хозяйства с различными сельскохозяйственными отраслями. В соответствии с этим и школьная «образцовая записка», на которой приходилась ученическая практика, должна была являться примером «полного улучшенного сельского хозяйства в значительном виде» (§ 55).

И по характеру общеобразовательных предметов, и по элементар-

ности технических сельскохозяйственных знаний первый, младший разряд, который должен был выпускать «земледельческих учеников» главным образом из крестьян, был, в сущности, низшей сельскохозяйственной школой.

Второй, старший разряд, по Положению должен был пополняться только окончившими первый разряд и только детьми «свободного состояния», т. е. не крестьянами, которым доступ во второй разряд был закрыт. Таким образом, ГЗШ делилась на два разряда по сословно-классовому принципу.

Из подготовительных предметов второго разряда, рассчитанного на два года обучения, должны были изучаться физика, химия, зоология и ботаника. При этом изучение их должно было иметь вспомогательное значение для сельскохозяйственных знаний: физика и химия — для определения почвы и удобрений, зоология связывалась с лечением домашних животных, ботаника же называлась ботаникой сельских произрастаний. Из специальных агрономических наук намечались общая агрономия, сельская архитектура, лесоводство, осушка болот, резание торфа и необходимые сведения из географии, истории и статистики сельского хозяйства (§ 22). В преподавании этих наук Положение предлагало «не увлекаться в ту высшую теорию, которая свойственна только академическому учению».

И по подготовительным, и по специальным предметам второй разряд не был в последовательной связи с первым разрядом, хотя и должен был пополняться учащимися только из первого разряда. Если первый разряд ГЗШ был школой низшего типа, то второй разряд по замыслу составителей Положения должен был стать высшей земледельческой школой. Впервые среди предметов преподавания названа наука с сельском хозяйстве агрономией, в учебных планах ранее открытых земледельческих школ и университетов этого названия предмета не употреблялось. Также впервые по штату вводился профессор агрономии и при нем два адъюнкта. Хотя Положение предостерегало преподавателей второго разряда от увлечения академическим теоретизированием в области агрономии, но в то же время, учреждая профессию агрономии и опытное поле для проведения опытов над разными сельскохозяйственными культурами, оно создавало условия для научно-исследовательской работы, существенной принадлежности высшей школы. На опытном поле должны были проводиться опыты над разведением свеклы, табака, кукурузы, турнепса, разных родов хлеба, разных промышленных красильных растений — вообще культур, растущих больше на юге, с целью «введения их по мере удачи в соседстве» (§ 60).

Кроме опытов над акклиматизацией и разведением новых культур, Положение ГЗШ предусматривало также культивирование на особом участке, на образцовой «запашке», отдельных отраслей сельского хозяйства: лесоводства, садоводства, огородничества, овцеводства, пчеловодства, коневодства, винокурения. При этом подчеркивалось, что одним из главных занятий образцового хозяйства было овцеводство — разведение мериносов и долгошерстных овец; при овчарне предполагалось устройство особой школы звчаров (§ 15), винокурение предназначалось устроить на коммерческих началах.

Широким развитием при школе овцеводства в целях поддержания шерстяной промышленности и коммерческим винокурением устроители школы стремились приспособить крепостное сельское хозяйство к но-

вым капиталистическим условиям и дать при школе образец большого капитализирующегося хозяйства.

Преподавание агрономических наук при помощи профессора и его адъюнктов, наличие при школе опытного поля и специальных отраслей сельского хозяйства дают основание формально считать второй, старший, разряд ГЗШ первой высшей земледельческой школой.

Опытное поле и отдельные отрасли сельского хозяйства предназначались главным образом для обучения учащихся второго разряда. Большинство же практических работ учащихся первого и второго разрядов по Положению должны были протекать в школьном казенном имении и на образцовом хозяйстве.

Школьное имение площадью в 15 тысяч десятин было выделено из всего имения к юго-востоку от Горок с 5 фольварками и 22 деревнями и приносило школе в год до 30 тысяч рублей дохода. Для ведения образцового хозяйства были предназначены специальные участки при школьных фольварках [67: 157].

ПЛАН ИМЕНИЯ
ПРИНАДЛЕЖАВШЕГО
ГОРЫГОРЕЦКОЙ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ ШКОЛЕ
1840-1844 гг.

Распределение крестьян и земель по фольваркам

Фольварки Δ	в фольварках		в деревнях фольварка		
	десятины пахоты и сенокоса	крестьян-работяк	деревни на карте	крестьян обоаго пола	десятины пахоты и сенокоса
1 Горки	150	250	при местечке	2579	2405
2 Иванова	179	174	подчеркнуты	1115	1140
3 Наталин	112	117	подчеркнуты	931	527
4 Пуплы	200	130	Полящицы и Паршино	560	311
5 Никодимово	200	151	Остальные к сев.-востоку	1044	514
Всего:	841	822		6229	4897

В основе хозяйства в школьном имении был труд крепостного крестьянина. Положение узаконяло те денежные и натуральные повинности, которые несли крепостные казенного имения и до открытия школы, и устанавливало управление в школьном имении по образцу так называемых старостинских имений. «Директор земледельческой школы, — говорится в Положении, — управляет причисленным к оной имением через Контору и старшего надзирателя отдельно от казенной палаты на основании правил для старостинских имений» (§ 47). В старостинских же имениях администратор или заменявший его арендатор имели более сильную власть над крестьянами, чем управляющий в помещичьих имениях: в его руках сосредоточивалась вся хозяйственная, полицейская и судебная власть [49 а, 164]. Директор ГЗШ и был полномочным администратором школьного имения. На его управлении имением, на его отношении к крепостным должны были учиться воспитанники второго разряда.

Отношение же к крестьянам имения со стороны школьной администрации — директора, главного надзирателя и Конторы — строилось на основе так называемого попечительства, которое было своеобразным проявлением крепостной системы. Идея попечительской, покровительственной опеки над государственными крестьянами возникла из практики крупного частновладельческого хозяйства; ее высказывал еще в XVIII веке публицист М. Щербатов, а к 30-м годам XIX века она стала популярной среди некоторых дворян, считавших государственных крестьян беспризорными и предлагавших поэтому передать их «просвещенной» власти и опеке дворянства, что, естественно, должно было польстить за собой обычное закрепощение государственных крестьян помещиком.

Идея попечительно-покровительственной опеки поддерживал Н. Мордвинов и другие члены Комитета об усовершенствовании земледелия, и она нашла свое отражение в Положении ГЗШ.

«Контора печется, — говорилось в Положении, — об исправлении состояния крестьян при школе, о снабжении их скотом, о вспомоществовании им в нужных случаях, о лучшей, но безроскошной постройке деревень, о сельских запасных магазинах и о хорошем сего имения вообще устройстве, особенно же о нравственности крестьян, так, чтобы оно могло служить примером» (§ 49); Контора также «старается мерами убеждения склонить крестьян к введению лучших способов хлебопашества и полезных земледельческих орудий» (§ 50). На директора лично возлагалась ответственность за недопущение обид крестьянам, притеснения их и попечение о взносе крестьянами податей, о выполнении натуральных и денежных повинностей, о поставке рекрут и т. п. (§ 51).

К работам на образцовом хозяйстве, кроме местных крестьян, привлекались в качестве наемных сельскохозяйственных рабочих казенные крестьяне из разных губерний России в количестве до 40 и сроком работы при школе не менее 10 лет. Предполагалось, что казенные крестьяне, научившись при школе лучшему ведению хозяйства, возвратятся на свои места и будут лучше вести хозяйство и распространять среди крестьян «мысли, что хлебопашество может быть производимо с лучшим успехом, нежели по старым обычаям» (§ 24).

На образцовом хозяйстве вводилось многопольное хозяйство с разведением картофеля и кормовых трав, с различными севооборотами, с

разделением на внутренние и внешние поля, с применением обводнения и осушения.

При хозяйстве должен был содержаться рогатый скот главным образом местной породы, а также и других племенных пород.

Крестьяне образцового хозяйства выполняли все повинности, как крепостные, и работали два дня в неделю для школьного хозяйства по нарядам Конторы и под наблюдением особого агронома, управлявшего образцовым хозяйством. Этот агроном по материальному обеспечению был наравне с директором школы и профессором агрономии и имел у себя двух помощников по практике и по делопроизводству; помощники агронома приравнивались к учителям.

Положение не раз отмечает, что образцовое школьное хозяйство должно быть примером для помещичьих хозяйств. «Работы при образцовом хозяйстве, — говорится в Положении, — производятся главнейше крестьянами имения, при школе состоящими, дабы сие самое могло служить примером для помещиков» (§ 24). Ответность по образцовому хозяйству должна была вестись так, чтобы приучить воспитанников школы к «порядочному ведению экономических счетов» и чтобы такую же ответственность воспитанники школы впоследствии сумели бы ввести и в частных имениях (§ 42). Хозяйственные постройки должны были строиться по образцу построек, «свойственных обычаям края», чтобы «всякому помещику могли служить примером» (§ 66).

Соседние помещики имели право присылать в образцовое хозяйство своих крестьян для обучения их сельскохозяйственным работам (§ 25).

Образцовое хозяйство было тесно связано со школой. Учащиеся первого и второго разрядов проводили здесь практические работы и находились, как и крестьяне, в распоряжении агронома, ведавшего хозяйством. Но учащиеся, в особенности второго разряда, должны были использоваться не в качестве простых рабочих, а на легких работах, чтобы «поддерживать свое здоровье и силы» (§ 22). Учащиеся проводили в хозяйстве все работы в течение круглого года, чтобы видеть все сельскохозяйственное производство и привыкнуть к разнообразным работам. Хотя Положением и устанавливались два вакантных месяца (с 15 июня по 15 августа), но тут же отмечалось, что учащимся не полагалось отпусков домой, и в вакантные месяцы они должны были заниматься не только практикой, но и теорией, в особенности по предметам, связанным с полевыми работами (§ 26). Для учащихся не только не было каникул, но и отпуска домой должны были выдаваться с большой осторожностью.

Школа была закрытым учебным заведением, все учащиеся должны были жить в пансионе под постоянным надзором администрации. Кроме главного надзирателя, для наблюдения за поведением 150 учащихся, по Положению было 15 надзирателей из унтер-офицеров. Из 150 всех учащихся школы 30 содержалось на казенный счет с годовым расходом на каждого по 250 руб. При этом в число казеннокоштных отбирались в основном подростки из крестьян казенных имений тех губерний, где «хлебопашество требовало улучшения» (§ 13); по окончании школы они должны были прослужить в казенных имениях 6 лет (§ 5). 120 учащихся должны были платить в год за стол и обмундирование по первому разряду 300 рублей, по второму — 400 рублей. Учащиеся первого разряда получали шинели серого сукна, полушубки и фуражки, а учащиеся второго разряда, сверх того, — сюртуки темно-зеленого

сукна и шляпы. Стол для учащихся первого разряда — «умеренный, применяясь к сельским обычаям», для второго разряда — лучшего качества.

Положение ГЗШ сопровождалось утвержденными штатами с годовой сметой в 28 тысяч рублей. Сметой предусматривались такие статьи расхода: на содержание 66 служащих — 14 тысяч, хозяйственные расходы — 12 тысяч, на опытное поле, библиотеку и учебное оборудование — 2 тысячи рублей.

Кроме жалованья, преподаватели, администрация и служащие ГЗШ получали в виде надбавки к жалованью порционные припасы и столовые порции. Порционный припас состоял из муки ржаной — 18 пудов, пшеничной — 6 пудов, мяса — 10 пудов, солода — 1 пуд, двух четвертей картофеля и крупы. Оценивался порционный припас в 23 рубля. В год полагалось 72 порционных припаса для 20 служащих ГЗШ, в том числе директору — 8 припасов, профессору, главному надзирателю и практическому агроному — по 6, врачу — 5 и некоторым другим — по 2—3 припаса. Остальным служащим выдавалось из ученической столовой по одной порции ценой 30 рублей в год. Припасы и порции выдавались или в натуре, или деньгами. Так продолжалось до штатов ГЗИ 1848 года, когда припасы и порции были заменены так называемыми столовыми деньгами, как и в других ведомствах.

По штатам 1836 года годовое содержание (имея в виду жалованье и стоимость припаса) каждого в отдельности профессора, директора и агронома было 1280 рублей, адъюнктов, главного надзирателя и помощника агронома — 600 рублей, учителей — 300—400 рублей.

В штат ГЗШ было включено также 1,7 тысяч рублей на оплату 40 крестьян, набравшихся в ГЗШ из центральных губерний для обучения и работ, из расчета по 42 рубля на одежду и стол каждому.

Анализ Положения ГЗШ показывает попытку правительственных деятелей приспособить сельскохозяйственную науку и образование для укрепления крепостного строя, о чем вскоре после опубликования Положения писала и министерская «Земледельческая газета»:

«Работы полевые и другие будут производиться крестьянами Горыгорецкого имения, к сему заведению приписанными. Они расположены сколько можно ближе к обыкновенному порядку в благоустроенных частных имениях, дабы соседние помещики могли удобнее пользоваться сим примером; сверх того, предоставлено помещикам с согласия начальства заведения присылать на образцовую запашку своих крестьян за собственном содержании для упражнения в усовершенствованных способах обработки земли и пр. Образцовая запашка учреждается при сей школе не для одних только опытов в малом виде, которые не убеждают привыкших к старому порядку, а для совершенного примера полного улучшения сельского хозяйства в просторном размере» (№ 46, 9.VI 1836 г.).

Но попытка эта не удалась, так как МГИ внесло в Положение существенные дополнения и поправки антикрепостнического характера.

Подобная неудача произошла и с Училищем правоведения (основано в Петербурге в 1835 году одновременно с ГЗШ), при помощи которого правительство пыталось приспособить правовые науки к укреплению крепостного строя. В действительности же училище подготовило многих деятелей судебной реформы 1864 года, внесшей значительные изменения в судостроительство крепостной России.

Летом 1836 г. из всего Горыгорецкого имения, как указывалось,

было выделено школьное имение со специальным участком для образцового хозяйства.

Школьное имение расположено на рубеже двух формаций: Смоленско-Московской возвышенности, которая входила в большую часть имения к северо-востоку от верховья р. Прони, и Оршанско-Могилевской равнины, занимавшей меньшую лесистую часть имения к юго-западу от р. Прони, впадающей в р. Сож. Местечко Горки расположено на пяти небольших возвышенностях — горках (отсюда и название Горки), разделенных речками Поросицей, Копылкой и оврагом. На трех холмах находятся местечко и два предместья — Слобода и Заречье, а на двух холмах — ГЗШ, затем ГЗИ.

По описаниям того времени имение представляло волнообразную безлесную возвышенность, имевшую сухую почву — суглинок, смешанный с песком, и много железа в разных видах окисания. Воды в имении мало. Незначительные речки Проня и Поросица по берегам не имеют больших лугов, озер совсем нет. Климат этой местности отмечался как довольно умеренный и постоянный; зимы холодные с частыми выюгами; весна по сухости и стужам в апреле и большей половине мая неблагоприятна произрастанию, а ранние посевы яровых не удаются; лето жаркое, сухое и ветреное [89; 1843 г., № 4].

В экономическом отношении школьное имение было по причине, указанной выше, в крайне бедственном состоянии, о чем можно судить на основании следующих данных, составленных при приемке имения школой [67; 155 — 168].

Из 850 крестьян-рабочих школьного имения 32 хозяина не имели собственных изб и батрачили, 280 имели избы, негодные для жилья, у остальных избы, крытые соломой, были крайне убогие. Отсутствие жилья вело к тому, что многие крестьяне бросали хозяйство, нищенствовали и сбегали, а некоторые воровали казенный лес, попадались администрации и ссылались в Сибирь.

Крестьянское животноводство в школьном имении было в крайнем упадке: из тех же 850 крестьян 230 не имели ни лошади, ни коровы, 120 — по одной корове и 500 — по одной плохой лошади и одной корове. Из-за плохого состояния сараев (121 крестьянин не имел сарая) домашний скот держался или на открытом воздухе или в разрушенных сараях, так что и тот скот, что имелся у крестьян, становился еще более худым, мелким и падал. Крестьянские лошади настолько были жалки по виду, что это заставляло исследователей признать, что коневодства в имении не было. Нескольким лучше в имении было свиноводство.

Недостаток надворных построек приводил к тому, что крестьяне небольшие запасы зерна прятали в ямах, где от сырости оно загнивало, и крестьяне оставались без хлеба.

Тяжело сказалось на крестьянстве и введение Канкриным в 1827 г., вместо казенной продажи вина, откупов. Откупщики устроили во всем имении 4 винокурни, вместо 3, бывших при помещике, и 104 кабака (при помещике их было 35), чем способствовали еще большему обнищанию крестьян.

В таком тяжелом экономическом состоянии ГЗШ получила школьное имение под свою покровительственную опеку.

В ноябре 1836 г. в имении начала свои действия строительная комиссия по возведению школьных зданий, состоявшая из агронома Штейгера, обследовавшего имение в 1835 г., чиновника из Петербурга Кадьяна и управляющего Горыгорецким имением Станкевича. В ка-

честве архитектора-строителя был прислан из Петербурга старший техник А. Кампиони, строивший здания на Биржевой площади. Зимой 1836—37 г. подготавливался строительный материал, обследовались постройки в помещицкой усадьбе, и составляли план нового строительства.

Постройки, сохранившиеся от помещика, по своей ветхости оказались непригодными для ГЗШ, так что приходилось строить все необходимое заново.

Единственное, что строители пытались приспособить для ГЗШ в качестве учебно-показательного учреждения это полотняную фабрику (мануфактуру), находившуюся в местечке Горах, в 12 км от Горок.

Открытая в имении после 1812 года помещиком Соллогубом полотняная фабрика в конце 20-х—начале 30-х годов была в Белоруссии самой крупной крепостной фабрикой, приносившей помещику, а затем казне до 10—15 тысяч руб. дохода в год [1; ф. мин. фин., № 1171, 1837 г., По пол. фабрике Гор. имения и № 8159, 1829 г., Об обращении в казну Гор. имения]. При основании школы на фабрике было в действии 85 станков, на которых 151 рабочий вырабатывал до 108 тысяч аршин брезендука, полотна, парусины и канифаса. Работа на фабрике была заключительным этапом в отделке той пряжи, которая подготавливалась из льна и пеньки крепостными женщинами в избах за прялкой. Эта работа женщин являлась важнейшей частью фабрики, так что комиссия по приему имения от помещика в казну называла фабрику «сборищем трудов крестьянок всего имения». Этот сверхобычный барщинный труд вызывал ропот со стороны крестьянок. Они соглашались, вместо работ, платить своего рода «фабричный» налог по 2—3 рубля в год с крестьянки, что и составляло бы годовой доход от фабрики (крестьянок в имении числилось 4,5 тысяч). Ропот был настолько внушителен и организация их труда настолько осложнялась, что комиссия по приему имения в казну предлагала фабрику закрыть. Но Канкрин, чтобы привлечь покупателей имения, решил укрепить крепостную фабрику и предложил работу крестьянок по пряже организовать не на дому, а на фольварках под присмотром особых надзирателей. Когда же это не удалось и часть имения отошла к школе, то решено было включить фабрику в школьное хозяйство.

С этой целью было поручено членам строительной комиссии Штейгеру и Кадьяну осмотреть фабрику.

Штейгер осмотрел фабрику в 1836 г. и нашел ее в тяжелом состоянии: фабрика была без руководителя, станки были изношены, на складах были залежи четырехлетнего производства в 434 550 аршин брезендука, парусины и полотна, что было вызвано кризисом полотняного производства в связи с промышленной революцией, вытеснившей полотно бумажной тканью. Для поддержания фабрики Штейгер предлагал передать часть станков школе, обучить 30 ткачей лучшей выделке и перевести фабрику в фольварк Рудковщину — поближе к г. Орша, месту, более удобному для сбыта.

Кадьян, осмотревший фабрику в 1837 г., нашел ее в худшем состоянии, чем она была в предыдущем году (залежи продукции увеличились, многие ткачи-рабочие ушли) и считал нецелесообразным перевод фабрики и передачу станков школе. Канкрин с этим не согласился, он поддерживал мнение Штейгера.

Но так как в это время имение перешло в ведение Министерства государственных имуществ, которое, решив перевести казенных крестьян

с барщины на оброк, не поддержало построенную на барщинном труде фабрику, то в 1844 г. фабрика, лишившаяся барщины крестьянок и за бесценок сбывшая свою продукцию, закрылась.

В 1837 г. в имении была устроена торжественная закладка главного учебного здания, приуроченная к 30 мая—дню 165-летия со дня рождения Петра I, что как бы выражало пожелание о преобразовательной роли ГЗШ в сельском хозяйстве. На торжество в Горки прибыли многие губернские чиновники (губернатор, вице-губернатор, архиерей и др.) и окрестные помещики. При закладке здания был вложен под фундамент ящик с золотыми, платиновыми и медными монетами и медная доска со следующей надписью:

«Лета от рождения Христова 1837 года мая 30 дня в 12 год благополучного царствования Николая I. по распоряжению министра финансов генерала от инфантерии Егора Францевича Канкрин, под руководством Высочайше утвержденной строительной комиссии, положено основание здания Горыгорецкой Земледельческой школы» [95—а].

Для строительства ГЗШ были привлечены местные крестьяне и выписаны из центральной России (Смоленской, Калужской и др. губерний) плотники, каменщики, печники, землекопы и другие опытные рабочие.

Всего к 1840 г. было построено более 35 зданий: 3 каменных трехэтажных корпуса — учебный, канцелярский и квартирный, мастерская, оранжерея, крестьянский лазарет, баня и другие учебно-вспомогательные и жилые постройки. Устроена каменная мостовая при подъезде к ГЗШ и на месте расположения главных зданий, среди которых особенно выделялся своею массивностью трехэтажный учебный корпус, расположенный на переднем плане возвышенности между двумя трехэтажными домами с фасадом в парк и фруктовый сад. Строительство ГЗШ и устройство пришкольного участка стоило 296 тысяч рублей.

Одновременно со строительством ГЗШ для нее подбирались учебно-административный персонал и набирались учащиеся.

В 1838 г. с учреждением МГИ ГЗШ оказалась в ведении Третьего департамента этого министерства. Хотя деятельность МГИ в области сельскохозяйственного образования получила иное направление, чем в Министерстве финансов, но возглавивший Третий департамент Е. Брадке, бывший перед этим попечителем Киевского учебного округа, оказался более близким и по национальности, и по взглядам в Канкрину, чем к министру государственных имуществ Киселеву, и, продолжая канкриновскую политику, направил в ГЗШ в качестве администраторов и преподавателей лиц, подобранных еще Канкриным [3; № 20, 24, 51, 64, 78].

Первым директором ГЗШ был назначен доктор философии Ф. Ф. Стендер, окончивший в 1823 году Дерптский университет и обучавшийся затем в Ростовском (Германия) университете. Перед назначением в ГЗШ Стендер был инспектором первой Петербургской гимназии. Плохо владея русской речью, он пользовался учителями в качестве переводчиков.

Младшим адъюнкт-профессором агрономии был определен С. Ф. Федоров, происходивший из питомцев Московского воспитательного дома. По окончании Московской земледельческой школы Федоров был некоторое время учителем бухгалтерии и сельского хозяйства в этой же школе, а перед назначением в ГЗШ — ученым лесничим в МГИ.

В качестве главного надзирателя в ГЗШ был направлен 70-летний полковник Ф. Ф. Гинглинг, служивший сначала городничим в городах

Бессарабии и Белоруссии, а затем инспектором над студентами Киевского университета.

Стендер, Федоров и Гинглинг входили в Контору—высший административный орган ГЗШ.

Практическим агрономом ГЗШ был определен Р. Р. Штейгер, обследовавший Горыгорецкое имение перед основанием школы. 50-летний отставной майор, без специального образования, Штейгер, как и Стендер, плохо владел русским языком, рапорты писал на немецком языке, всегда приписывая к своей фамилии «барон фон». Своим помощником по заведыванию опытным полем, ботаническим садом и скотным двором Штейгер подобрал земляка—рижанина Ф. Юнгмейстера, обучавшегося в Альткунстгофском институте при Дерптском университете.

К преподаванию сельскохозяйственного строительства был привлечен архитектор—строитель ГЗШ—А. Кампиони.

Учителями низшего разряда ГЗШ были назначены: по русскому языку И. Цехановецкий, через год замененный уездным учителем, направленным из Петербурга Л. Берестьяновым; по арифметике—Л. Лемм, выбывший из Дерптского университета, учитель Рижской гимназии, и по чистописанию — письмоводитель Конторы Туполев, прибывший из министерства вместе со Стендером.

Врачом ГЗШ и временно исполняющим обязанности ветеринара был назначен окончивший Дерптский университет К. Т. Вилькен.

Этот первый административно-педагогический состав ГЗШ вскоре, в 1841—43 годах, был обновлен.

Набором учащихся в ГЗШ также ведал Третий департамент, разославший в 1839 г. губернским казенным палатам центральной России, Украины и Белоруссии объявление о ГЗШ, где было сказано о цели школы, учебных предметах, правилах приема, плате за пансион в школе и приеме в первый разряд в течение трех лет по 50 человек [1; № 561].

Губернские казенные палаты в свою очередь предложили волостным правлениям выделить для школы мальчиков среди казенных крестьян. Как набирались учащиеся через волостные правления, можно судить, например, по приговору крестьян Псковской губ., Снегиревской вол., 1-го Борисовского общества. «Объявлено нам,—говорилось в приговоре,—предписание нашего снегиревского волостного правления, последовавшего от 1 марта за № 236, в силу которого и учинили сей приговор в том, что избрали мы крестьянского мальчика хорошего поведения и внятного разума читать и писать, знает порядочно и арифметику, и здорового сложения, из дер. Гнилищ Ивана Иванова, сына его Матвея Иванова, в Горыгорецкую земледельческую школу, учрежденную в Могилевской губ., в ней учиться.. 1840 г. сентября 16 дня на основании 37-ой статьи проекта об управлении Государственными имуществами, части 4, приговор в сельском сходе выслушан, найден во всем достаточен, почему и в книгу, для сего установленную, подлинником под № 14 записан, в том свидетельствуют сельский старшина и сборщики податей и прилагают печати» [3; № 41].

Приговор показывает, что волостное правление и сельский сход рассматривали, удовлетворял ли мальчик правилам приема в ГЗШ по грамотности и здоровью. Между тем дальнейший ход дела с приемом в ГЗШ данного мальчика Иванова раскрывает хитрый обман волостного писаря, за определенную мзду направившего в ГЗШ мальчика не «здорового сложения», а с явным физическим недостатком, делавшим мальчика нетрудоспособным и обнаруженным в ГЗШ при медицинском

осмотре. Мальчик был возвращен в деревню. На предложение департамента заменить больного мальчика Псковская палата государственных имуществ никого не прислала за неимением среди крестьян желающих обучаться в ГЗШ.

Когда было указано волостным правлениям присылать мальчиков «здорового сложения без важных телесных пороков», то сельская администрация, пользуясь крестьянской отсталостью, сумела поживиться на этом.

Писатель П. И. Мельников-Печерский в очерке «Поярков» (1857) рассказывает, как становой пристав Поярков, получив циркуляр «Об отдаче малолетних крестьянских детей в Горыгорецкую школу, Могилевской губ.», выражаясь словами самого пристава, «перелицевал» это распоряжение, т. е. перевернул его в противоположную сторону, чем требовалось. Он не объяснил значения школы, чтобы привлечь в нее крестьянских детей, а припугнул крестьян школой, чтобы извлечь себе выгоду. «Могилевская губерния за Сибирью, на самом краю света, — говорил Поярков крестьянам, вдаваясь далее в своеобразное толкование названий— Могилевская и Горыгорецкая. — А вся-то она состоит в могилах. А на тех могилах гора, и на той горе школу завели... Крестьянских ребятишек там ко всякому горю приобучают: оттого и прозвана «на горе горецкая школа». Крестьяне пугались и откупались деньгами. «Сколько ни было в стану богатых мужиков, — заканчивал рассказ Поярков, — всех объехал, никого не забыл. Сулил могилы, на горах горе, получил за каждого парнишку по золотенькому, в глухие, в немые писал их.. Мужики рады-радешеньки, отбывши такое великое горе. Всем праздник, а мне вдвое».

Так крестьяне всякими правдами и неправдами, благодаря хитростям своей ближайшей администрации уклонялись от посылки своих детей в «далекую» земледельческую школу, которая, по их мнению, была в интересах помещиков, а писаря и пристава еще умудрялись на этом зарабатывать.

Только 6 казенных палат (Виленская, Калужская, Курская, Могилевская, Псковская и Смоленская) прислали в ГЗШ по одному мальчику, из которых 2 (Калужский и Псковский) не были приняты по болезни. Кроме присланных, учениками были зачислены 3 своекоштных, из них 2 вольноотпущенных и 1 дворовый. Таким образом, в первый прием всего было принято 7 учеников, из них с домашним образованием—5 и из приходского училища—2. Принятые в возрасте от 14 до 19 лет были из бедных крестьянских семей (богатые, как рассказывал Поярков, откупались от школы) и прибыли в ГЗШ в оборванных сермяжках, так бедно одетые, что, по словам Стендера, их нельзя было допустить на торжественное открытие школы.

15 августа 1840 года состоялось открытие ГЗШ, в котором приняло участие около 400 человек, из которых 300 было крестьян и крестьянок школьного имения [1; № 561, 1840 г.—3; № 40]. Среди гостей были высшие чины из Могилева: губернатор, председатель казенной палаты, архиерей и другие чиновники, а также ближайшие могилевские помещики. После богослужения в местечковой церкви торжество открытия было проведено в актовом зале учебного корпуса, украшенном гирляндами цветов. Адъюнкт-проф. С. Федоров произнес с кафедры речь «О цели, высочайше назначенной для Горыгорецкой земледельческой школы». Эта цель, по словам Федорова, заключается в распространении сельскохозяйственных знаний, в развитии сельскохозяйственной науки для вы-

явления неисчерпаемых природных богатств России, являющихся основой народного благосостояния и укрепления самостоятельности, экономической независимости русского государства. Высказал эти мысли Федоров следующими словами:

Постоянное неизменяемое народное богатство, а следовательно, и совершенная самостоятельная независимость прочного благоденствия всего государства заключается внутри самого отечества, в собственных его недрах.

Чтобы убедиться совершенно в сказанной истине, стоит только представить все неоспоримые его преимущества пред другими иноземными державами: необъятное пространство земли, составляющей почти $\frac{2}{3}$ целой Европы, многообразие в благорастворении вседневного климата, все роды и виды почвы не дают ли совершенно полной возможности на обильнейшее размножение произведений как растительного, так и животного царства—и едва ли не всех стран света в нашем благородном отечестве? Вот неиссякаемый, беспредельный рудник для разрабатывания вечно неиссякаемых источников никогда неисчерпаемого богатства для нашей благословенной России! Но чтобы достигнуть сей верховной цели, составляющей истинное благо отечества, нужно было прежде разоблачить самые недра его обильной природы; другими словами, нужно было прежде показать рациональные способы, где, чем и каким образом можно воспользоваться всеми столько многообразными местностями нашей обширной империи!

Самою ближайшею, единственною и вернейшею к тому меру служит рациональное знание науки сельского хозяйства. Этим только путем, как исключительным, единственным средством можно разоблачить все сокровенные блага, все неисчерпаемые источники богатства производящей природы. И это не есть предположение, но истина, освещенная согласием всех образованнейших народов, оправданная многообразными опытами веков прошедших и поверенная самым современным состоянием всех естественных наук, занимающихся природою! Чтобы желать постепенно возрастающего увеличения народного и государственного богатства, а вместе с тем и постоянного прочного благоденствия, нужно прежде всего пожелать быстрого распространения благотворного света науки сельского хозяйства на все многообразные его отрасли в нашей благословенной России» [1; № 561, 1840 г., стр. 19—36].

Определив государственное и народно-хозяйственное значение ГЗШ, первой в России правительственной сельскохозяйственной школы—Федоров затем объяснил некоторые пункты из Положения ГЗШ, а в конце пожелал крестьянам показать себя достойными открывающейся школы и закончил речь словами: «Да будет сей торжественный день открытия Горыгорецкой земледельческой школы вечно незабвенным в сердцах наших!»

После речи Федорова был устроен обед для гостей в актовом зале, а для местных крестьян—на школьном дворе под открытым небом. Вечером ГЗШ была иллюминирована. «Здание главного корпуса, — так заканчивалось описание Стендером торжества, — воздвигнутое на горе, освещенное многообразными огнями, представляло величественное зрелище».

Открытие земледельческой школы в захолустном белорусском местечке явилось незиданным доселе культурным сельскохозяйственным праздником или, выражаясь словами отчета о нем, «эпохой в летописях истории сельского хозяйства в России».

Привлечение крестьян к торжеству открытия, по словам отчета, должно было «пробудить у них сознание, что луч света проникнет в их бедные развалившиеся хижины и что правительство избрало именно казенных крестьян Горыгорецкого имения для высшей цели обогащения быта крестьян... Нельзя было,—говорилось в отчете о крестьянах во время открытия,—без душевной радости видеть сельский праздник, видеть крестьян с их сельской простотой».

Как видно из отчета, директор Стендер под впечатлением участия крестьян в торжестве открытия ГЗШ считал крестьян простодушными,

доверчивыми поселянами, осознавшими пользу сельскохозяйственного образования. В действительности же как основание земледельческой школы в окружении крестьянских хозяйств, так и приглашение местных крестьян к открытию несколько не уменьшали у крестьян того недоверия к школе, как к помещичьей затее, которое и проявлялось в первые годы существования ГЗШ в их отказе направлять в школу своих детей.

После открытия ГЗШ начались занятия с семью учениками первого разряда по энциклопедии сельского хозяйства, русской грамматике, арифметике, географии, чистописанию и закону божью [3; № 73]. Хотя в Положении ГЗШ и не указывались арифметика и география для первого разряда, но МГИ ввело эти предметы из-за слабой подготовленности учащихся.

Не говоря о подготовительных предметах, следует отметить характер сведений, сообщавшихся Федоровым по энциклопедии сельского хозяйства.

Во вступлении к этому курсу Федоров давал общие понятия о природе, физике, минеральных веществах, растительном и животном мире, простых и сложных телах и т. п. Курс самого сельского хозяйства он излагал по трем частям: земледелие, растениеводство и скотоводство. При этом вопросы земледелия рассматривал по таким отделам, как земледевание, землеудобрение, землепашество, землевозделывание и учение о земледельческих орудиях. Попутно давались сведения о минеральных и органических частях почвы: глине, песке, извести и черноземе.

Подражая своему учителю, московскому проф. М. Павлову, Федоров стремился внести систему в ученические знания, но делал это слишком «умозрительно» для тех 7 подростков, которые умели только читать и писать и не имели учебников.

Классные занятия проводились ежедневно 3 часа до обеда и 3 часа после обеда (4 урока по 1,5 часа каждый); два раза в неделю, вместо послеобеденных уроков, ученики работали в поле, огороде и на скотном дворе. На подготовку уроков (репетиции) отводилось в разное время дня $4\frac{1}{2}$ часа и на отдых $2\frac{1}{2}$ часа.

Внеклассная жизнь ученика проходила под наблюдением надзирателей, которых в первый год было 4, из них фельдфебель и 3 унтер-офицера. О наблюдении за поведением учащихся говорила особая инструкция, присланная из МГИ в сентябре 1840 года, «Краткие правила для руководства директора, Канторы и некоторых чиновников ГЗШ» [3; № 30]. В этой инструкции предписывалось надзирателям находиться безотлучно при учениках (п. 32) и наблюдать за тем, «чтобы воспитанники не имели у себя денег, а также книг, кои чтение могло бы иметь вредное влияние на нравственность» (п. 33). За учащимися должны были следить также и инспектор классов, и главный надзиратель. «Без ведома и позволения главного надзирателя,—говорил пункт 31 инструкции,—никто из посторонних не может посещать воспитанников, и посещения сих делаются не иначе, как в присутствии его или одного из надзирателей, равно и все письма к воспитанникам проходят через его руки». Инспектор классов должен был проверять, в порядке ли находятся предметы, которыми пользуется ученик. Главное внимание инспектор должен был уделять состоянию преподавания: делать замечания учителям по вопросам преподавания, но не в присутствии учеников; предлагать некоторым учителям представить записки по лекциям. Учителям запрещалось входить в пререкания с инспектором во время лекции.

К концу 1840 г. прибыло в ГЗШ 39 крестьян из центральной Рос-

сии для работ на образцовом хозяйстве в качестве сельскохозяйственных рабочих и для обучения лучшим способам хозяйства (§ 24 Положения), из них 8 человек с семьями [3; № 3 и 274]. Крестьяне были из Смоленской (9 человек), Псковской (7), Московской и Новгородской (по 4), Калужской, Орловской, Петербургской, Тверской и Тульской (по 3 человека) губерний. Они работали по устройству опытного поля на мельнице, принадлежавшей школе, при лазарете и т. п.

Желая показать себя в попечительной опеке над крестьянами школьного имения, требовавшей Положением, организаторы ГЗШ пытались ввести многополье в крестьянском хозяйстве. Вот как это описано в отчете школы, составленном к 1 декабря 1840 г.:

«Для введения между крестьянами многопольной системы хозяйства сделано следующее распоряжение: Дабы не обременять крестьян вдруг сим нововведением избрана для сей цели самая меньшая деревня под названием Осады Телешевка, в коей находится 58 десятин земли пахотной, из которой назначено на будущую весну под яровой хлеб 19 десятин. По причине же крайней бедности сей деревни, неимению рабочих сил и скота, часть сих десятин, именно 27 десятин, будут отрезаны от всех полос и засажены на первое лето картофелем, — с прибавлением же ежегодно известного количества пахотной земли и с постепенным улучшением быта и благосостояния крестьян надеяться можно, что через 7 лет все десятины обработаны будут по плодопеременной системе. План и нарезка земли уже сделаны» [3; 73].

Отчет показывает, что организаторы этого нововведения (Стендер, Федоров), считавшие многополье «обременением» для крестьян, избрали для введения многополья самую бедную чересполосную деревню, не объяснили крестьянам значения нововведения, не понимали сущности многопольной системы и не были знакомы с Положением ГЗШ, которое предлагало устроить многопольное хозяйство на образцовой запашке (§ 56), а крестьян «склонять к введению лучших способов хлебопашества мерами убеждения» (§ 50).

Вскоре пришлось отказаться от этой нежизненной затеи, а Стендер в оправдание неудачи писал в МГИ: «Народы тогда только начали предаваться изучению разных ремесл, художеств и наук, когда защищены были от голода и перемен непогоды... Принудить сих бедных крестьян в настоящее время какому-либо учению было бы несправедливо и противно естественному порядку вещей».

Этот вывод Стендера, сделанный из неудачи с многопольем, о несправедливости и неестественности обучения бедных крестьян показал также его неумение справиться с порученным ему делом — обучением действительно бедных крестьян и управлением имением с крестьянской беднотой.

Попечительная опека над крестьянами школьного имения в первый год существования ГЗШ проявлялась в сложении и рассрочке крестьянских недоимок. Недоимки с 2700 крестьян школьного имения и мешан местечка Горок, принадлежавших тоже школе, образовавшихся из невозвращенных ссуд, выданных в голодные годы, из невнесенных податей и т. п., переходили из года в год, перечисляясь с умерших крестьян на их родственников, и к 1 декабря 1840 года составляли 7930 рублей серебром [3; № 76]. Недоимщики стали обращаться в контору ГЗШ с просьбой о сложении недоимок. Обратились с подобной просьбой и местечковые евреи, которые в невыплате ими своевременно чинша винили помещика Соллогуба, доведшего их до нищеты.

Надзиратель Гинглинг ограничился отсрочкой недоимок. Дело о них в дальнейшем переходило из года в год, обрастая перепиской и справ-

ками, и даже в 1879 г., т. е. через 40 лет, Горькое волостное правление еще разыскивало в архиве Горьких учебных заведений имена крестьян, получивших ссуды в голодные 1822—1824 гг.

Таким образом, ГЗШ, созданная по Положению 1836 года, с трудом начинала свою деятельность: приходилось довольствоваться в качестве администраторов и педагогов лицами, малосведущими в сельском хозяйстве, и набирать малоподготовленных учеников. Между тем Министерство государственных имуществ, к которому перешла школа от Министерства финансов и которое в своей деятельности нуждалось в специалистах по сельскому хозяйству, внесло значительные изменения в Положение 1836 года и в состав администрации, педагогов и учащихся, что должно было способствовать развитию ГЗШ.

